

МИНУС ОДНА МИНУТА

КНИГА ВТОРАЯ

МАСКИ ПРИОРОВ

ГАЛИНА ТИМОШЕНКО
ЕЛЕНА ЛЕОНЕНКО

Галина Тимошенко

**Минус одна минута. Книга
вторая. Маски приоров**

«Издательские решения»

Тимошенко Г.

Минус одна минута. Книга вторая. Маски приоров /
Г. Тимошенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900117-7

Что происходит с человеком, внезапно получившим то, о чем он мечтал много лет? А если он получил все это совсем не в той реальности, в которой прежде жил и мечтал, — что происходит в этом случае?! Сможет ли он одновременно справиться и с неожиданно сбывшимися мечтами, и с условиями этой совершенно новой для него реальности? А если в этой реальности живут еще и другие люди, тоже получившие все, о чем мечтали? Сумеют они договориться друг с другом и смириться с исполнением чужих мечтаний или нет?

ISBN 978-5-44-900117-7

© Тимошенко Г.
© Издательские решения

Содержание

Долина	6
Равнина	26
Долина	41
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Минус одна минута Книга вторая. Маски приоров

**Галина Тимошенко
Елена Леоненко**

© Галина Тимошенко, 2017

© Елена Леоненко, 2017

ISBN 978-5-4490-0117-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Долина

...Самолет перевалил через кольцо холмов, оставив позади медленно катящееся к закату солнце, и оказался в плотной предвечерней тени, всякий раз наполнявшей чашу Долины перед закатом. Быстро и круто пронизал эту синеватую тень, почти скользя по верхушкам высоких деревьев, прошел над покрытыми травянистым дерном крышами приземистых строений и неподвижно замер в полуметре над плоской лужайкой перед бревенчатым домом.

Стас посидел еще немного перед приборной панелью, уговаривая себя не нажимать снова кнопку с надписью «Взлететь». С тяжелым вздохом решил, что уговоры увенчались успехом, и вышел наружу.

На краю посадочной лужайки маячило несколько фигур с тоскливым выражением лица. Как только Стас направился в сторону бревенчатого дома, фигуры немедленно снялись с места и торопливо двинулись ему наперерез. Он остановился и с досадой повернулся к ним.

– С возвращением! – до тошноты любезным тоном произнесла первая фигура, пытаясь поймать взгляд Стаса.

– Мартыныч, коротко и по делу, – отрезал Стас.

Мартыныч приосанился и торжественно начал:

– Прошу заметить, меня зовут Мартин. И вообще... Стас, я ведь не о себе забочусь. Все итеры приняли решение послать меня к тебе.

– Интересно, почему именно тебя? – усмехнулся Стас, с надеждой глядя на крыльцо дома.

– Значит, уважают, – солидно склонил голову Мартыныч. – В общем...

– Да знаю я, что в общем. И что в частности, тоже знаю, – тоскливо вздохнул Стас. – Будешь клянчить, чтобы я вам самобраны сделал.

Итер просиял с беззастенчивым облегчением:

– И как? Сделаешь?

Стас неспешно оглядел субтильно-смазливого Мартина-Мартыныча с ног до головы. Под нескрываемо презрительным взглядом тот обеспокоенно затоптался на месте и постарался сделать взгляд масляных карих глаз вызывающим – без особого, впрочем, успеха. Наконец Стас с явным удовольствием сообщил:

– Нет, не сделаю. Идите вон к дричам на огородах работать, – и сделал попытку все-таки добраться до вождя крыльца.

– Ну Стас! – возмущенно закричал итер. – Мы так не договаривались! Это просто нечестно, в конце концов!

– Вот как? А о чем мы договаривались? – ухмыльнулся Стас. – Насколько я знаю, в вас никто не стреляет. Хотите заняться делом – кругом целый лес, инженеры что-то интересное делают, дричи свои огороды растят... Вполне можете к ним присоединиться. Чего вам еще от меня надо-то? Ну-ка брысь отсюда!

Он обошел захлебнувшегося возмущением Мартыныча и решительно зашагал к крыльцу большого бревенчатого дома с наблюдательной площадкой на крыше. Однако на его пути возникло еще одно препятствие: откуда-то из-за перил выскользнула прежде остававшаяся незамеченной женщина без инфинита на виске. Угрюмо глядя в сторону, она проговорила тусклым голосом:

– Я возьму продукты из погреба?

Стас остановился.

– Где настроение потеряла, Катюша? – мягко спросил он. – Что-то с детьми?

Та невыразительно пожала плечами, упорно не глядя на Стаса.

– Понятно, – протянул он и, швырнув полупустой рюкзак рядом с крыльцом, уселся на ступеньки. – Садись-ка, радость моя.

Морталка сменила на лице несколько самых разных выражений и не слишком охотно села рядом.

– Где же это я тебе на ногу наступил и сам не заметил? – поинтересовался Стас, внимательно глядя на нее. – Давай рассказывай.

– Да нечего рассказывать. Просто стыдно мне, и все, – пробормотала Катя, продолжая прятать глаза.

– Это чего ж тебе стыдно? – изумился Стас. – Что продукты берешь? Что детей своих кормишь? Это стыдно?

– А зачем ты мне это разрешаешь? – вдруг воинственно вскинулась морталка. – Я что – больная, убогая? Сама не найду, чем детей накормить?

Стас разозлился:

– Так ищи! Я ж разрешаю, а не заставляю! Не хочешь – не бери.

Катя тут же сникла:

– Вот если б ты не разрешал – я бы искала. А так и смысла-то нет по лесам лазить или огород разводить...

Стас брезгливо, одним пальцем повернул к себе ее тоскливое скуластое лицо:

– Слушай, Катерина, ты ведь вроде раньше итером не была. Или я ошибаюсь? Сейчас-то тебе зачем кнут понадобился? Сама с собой разобраться не можешь?

Катя встретила взгляд Стаса с такой упрямой неприязнью, что он в сердцах чертыхнулся и встал.

– Иди, бери что хочешь, – сердито сказал он и ушел в дом.

Стас быстро прошел по темному коридору дома погибшего палеонтолога Тимура Матушева, заглядывая по пути во все двери. У него за спиной тихонько прошуршали неуверенные шаги Катерины, и он снова выругался – на этот раз про себя.

За очередной дверью он наткнулся на историка Юру Зинина – как всегда, обложенного со всех сторон матушевыми бумагами. Тот вскинул на Стаса настороженный взгляд:

– Что, мне сматываться? Или ты снова без Лилии?

Не отвечая, Стас раздраженно вбросил в комнату свой рюкзак и ушел дальше по коридору.

Пройдя сквозь весь дом, он вышел с другой стороны и поднялся по лестницам на крышу дома, где много лет назад Матушев выстроил роскошную смотровую площадку для наблюдения за своими экторами-австралопитеками. Там Стас сердито бухнул локти на перила и уставился на темнеющий лес.

Теперь, через три года после переселения большей части населения Равнины сюда, в Долину, лес отодвинулся от дома на целый километр. В результате матушевский дом, когда-то единственный в Долине, был отделен от леса парой десятков домов, на крышах которых трогательно росла трава. Травяные крыши были идеей Эльзы Моисеевны – басистой седовласой дамы, еще в свою бытность на Земле объездившей всю Европу и навеки покоренной Норвегией. По ее словам, все сельские норвежские домики устроены именно так – то ли для создания какого-то особого климата внутри, то ли просто для красоты. А поскольку Эльза Моисеевна и на Земле занималась строительными конструкциями, основанными на устройстве живых организмов, то именно она была автором почти всех здешних архитектурных шедевров – в том числе и травяных крыш.

Вокруг некоторых домов были разбиты огороды и даже роскошные сады – плоды трехлетних трудов дричей-переселенцев. Другие дома остались в том же виде, в котором были выстроены три года назад – разве что выглядели куда менее ухоженными и аккуратными: это были обиталища итеров. Колония говорунских домов располагалась намного левее – за небольшой речушкой, огибавшей дом Матушева. Эти дома отличались более оригинальной архитектурой и обилием всяких непонятностей вокруг: от сложных деревянных конструкций неясного

происхождения и назначения до куч разнообразного рабочего мусора (или это был не мусор, а материал для будущих конструкций?).

Стас ощутил мгновенный и острый укол виноватого сожаления: когда он первый раз стоял на этой площадке и смотрел на тающие в воздухе тела погибших вместе со своим создателем австралопитеков, все здесь выглядело куда симпатичнее...

За спиной послышался скрип ступенек и осторожные шаги, и Стас обернулся. На площадку, споткнувшись на последней ступеньке, выбрался Зинин и сконфуженно пробормотал:

– Ты топал по крыше, как Санта Клаус в новогоднюю ночь. Работать было невозможно, так что извини, если помешал...

Ядовитый историк за последние три года то ли очень расположился к Стасу, то ли вообще сильно потеплел душой, поэтому Стас привычно обрадовался его скрипучему голосу. Он без сожаления отвернулся от ставшего совсем уж темным леса, сполз по прочному столбу ограждения на пол и приглашающе похлопал ладонью рядом с собой.

Зинин pokrхтел, усаживаясь, и спросил:

– Слушай, а почему Лилия последнее время здесь почти не бывает? То есть у меня-то есть свои предположения...

Стас помолчал и неохотно ответил:

– Мне кажется, ей стыдно.

– Чего-о?! – поразился Зинин. – Лилии – стыдно?! С ума сойти! Как же у вас все сложно...

– Можно подумать, тебе не стыдно, – огрызнулся Стас и снова развернулся лицом к лесу.

– Да вот нисколько, – честно признался Зинин. – За что бы это?!

Стас, искоса глянув на него, скептически хмыкнул и проворчал:

– Мне – так точно есть за что. Изобразил из себя вождя и спасителя, а получилось...

Получилось то, что получилось. Никому не страшно, но всем скучно. А еще всем жрать постоянно хочется, ходят все ободранные, как бродяги... Стоило переселяться с таким шумом и барабанным маршем?

– Ну не знаю, – пожал плечами Зинин и тоже повернулся к темной стене деревьев вдали. – Ты же не обещал сделать всех счастливыми, правда? Ты привез нас туда, где есть возможности, но ты же не мог им эти возможности в глотку запихнуть, правда?

– Мы не учли одного, – с горечью проговорил Стас. – На Другой Земле оказываются только те люди, которые за свой счет жить не хотят. И с чего мы взяли, что они здесь захотят что-нибудь для самих себя придумывать и делать?

У Зинина, казалось, даже брови встали дыбом от возмущения:

– Алё, дружок, полегче! По-твоему, мы с Буряком тоже ждем, пока нам кушать подадут? И Эльза, и Василёв, и Руслан с Вероникой? И Парамонов покойный ждал, и Ромка? Тебе еще сотню имен назвать?

– Не бурли, – отрезал Стас. – Раз мы все на Земле не справились – значит, не слишком-то и старались. Конечно, кому-то здесь стало просто прекрасно: никто окна не бьет, не стреляет – красота! Сиди и думай в свое удовольствие. Я же не про них, они меня не раздражают.

Еще не успокоившийся Зинин огрызнулся:

– Так ты уж скажи, будь добренький, про что ты, а то я никак не соображу. Только так, чтобы даже тупым историкам понятно было.

– Вот ты знаешь, сколько человек за эти три года рискнули вернуться обратно на Землю? – начал горячиться Стас. – Шесть! Представляешь? Всего шесть! Остальные даже этого захотеть не сумели. А на Третью Землю – так и вообще никто не захотел! Ни один человек! При этом все копытами били: вынь да положь им карты Галилея! Ну и на черта им были эти карты?! Теперь таскаются за мной и ноют: сделай нам, Стасик, холодильник и штанишки, а то кушать хочется так, что срам прикрыть нечем!

– Ну если ты за них смерть как переживаешь – так возьми и сделай, – язвительно предложил Зинин. – Чего ядом-то исходить?

Стас вдруг спросил, тыкая пальцем куда-то вправо, в сторону подножия дальних холмов:

– Слушай, а что у нас там за костер?

– Да кто его знает, – безразлично пожал плечами Зинин. – Может, Буряк какую-нибудь новую штуковину сочиняет. Он у нас любит в лесу подумать. А может, кто-то из дричей сидит и мечтает: они у нас все лесофилы и природолюбывы. Тебе-то какая разница?

За их спинами снова послышался топот, и на площадку, отдуваясь, вылез Буряк.

– Я так и знал, что Стас здесь. Самолет увидел – и сразу полез на крышу, – радостно сообщил он.

– Буряк явно не думает в лесу, – флегматично констатировал Зинин.

Буряк недоуменно посмотрел на него и, с сомнением покрутив головой, тоже опустился на дощатый пол смотровой площадки.

– А знаете, что я надумал? Попробую-ка я сделать артефакт, – неожиданно заявил Стас.

Тут уж двое ночных сидельцев изумленно воззрились на него.

– Может, пояснишь для бестолковых? – небрежно предложил Буряк.

– Да я сам пока не очень себе это представляю... В общем, нужно сделать что-то такое, что давало бы возможность всем создавать то, что они хотят. То есть сейчас пока самолет только у меня получился, а надо, чтобы все так могли, – не слишком уверенно объяснил Стас.

Буряк выразительно откашлялся и покосился на Зинина:

– Ну и как тебе такая идея?

– По-моему, это мания величия, – скорбно произнес тот. – В наших условиях, увы, не лечится. Боюсь, ни в каких других тоже.

Стас оскорбился:

– Причем здесь величие? Я просто хочу, чтобы они от меня отстали.

– А чтобы здесь огнедышащие драконы появились, ты не хочешь? – ядовито осведомился Зинин. – Или ядерное оружие, скажем?

– Ты ведь понятия не имеешь, о чем говоришь, – усмехнулся Стас. – Думаешь, это так запросто происходит? Тебе только что-то в голову пришло – и ба-бах: вот оно взяло и случилось?! Черта с два!

– Нет, мечтатель ты наш кремлевский, – вкрадчиво возразил Зинин. – Просто я очень хорошо помню, какие у тебя были выпученные глаза, пока ты понятия не имел, как именно это ты это делаешь.

– Нет, мужики, меня другое интересует... Меня интересует, что это вообще означает – создать артефакт? – мечтательно протянул Буряк. – Это все-таки не рояль, про который ты хотя бы понимаешь, что это такое. Ладно, не буду тебе льстить: ты, конечно, знать не знаешь, как этот самый рояль внутри устроен – но ты хоть представить его себе можешь! А тут – артефакт... В общем, я преклоняюсь перед твоим нахальством, вождь. Дерзай. А ты, Зинин, не бойся: тебе все равно не придется увидеть огнедышащих драконов.

Стас невозмутимо пожал плечами:

– Можете ржать сколько угодно, девочки. Я у вас помощи не прошу. Не смогу – обваляете меня в перьях, если захотите. А если сделаю – утретесь как миленькие.

– Хитрый, – кивнул Зинину Буряк, – знает, что никто из дричей не даст нам их курей ошипывать. Ну ничего, мы что-нибудь другое придумаем.

– Нет, но кто же там все-таки костер-то жжет? – не унимался Стас. – Туда же идти не меньше часа! Неужто у нас нашелся кто-то такой неленивый?

Зинин решительно сказал, поднимаясь:

– Ладно, если мы уже обо всей ерунде поговорили, то я с твоего разрешения пойду еще поработаю.

Буряк продолжал испытующе смотреть на Стаса, небрежно махнув на прощание рукой спускающемуся по лестнице Зинину.

– Это ты Лилию сюда не пускаешь?

Стас обернулся и удивленно уставился на него.

– Мы с тобой одну и ту же женщину называем Лилией? Ты правда считаешь, что ее можно не пустить туда, куда она хочет?!

Буряк помолчал и нехотя проговорил:

– Возьмешь меня с собой, когда будешь возвращаться на Равнину?

– Буду только рад, – серьезно сказал Стас. – Лилия тоже. Приветов она никому никогда не передает, сам знаешь. Но она очень скучает.

Инженер криво усмехнулся:

– Видимо, не настолько, чтобы прилететь сюда вместе с тобой. Ладно, неважно. Ты когда обратно?

– Скорее всего, завтра. В крайнем случае, послезавтра, – продолжая вглядываться в далекий костер, бросил Стас. – Что здесь дольше-то делать?

Буряк еще потоптался немного, а потом, ни слова не говоря, шагнул к лестнице.

Стас и сам не смог бы сказать, чем его так привлекло крохотное оранжевое пятнышко у подножия правых холмов, где огромные деревья росли почти вплотную к круто вздымающемуся склону и при ветре смахивали ветвями вниз землю и мелкие камешки. И все-таки его распирало неудержимое желание найти хоть одного здешнего обитателя, которому хватило любопытства забраться так далеко от поселения.

Он задумался, вспоминая, есть ли там, в районе костра, хоть одно большое плоское место, на котором мог бы уместиться самолет: поход через ночной лес с крутыми оврагами, топорщащимися из-под земли корнями деревьев и густыми колючими кустарниками не представлялся ему приятным времяпрепровождением. Но ничего достаточно большого и достаточно плоского ему в голову так и не пришло, поэтому Стас спустился в дом, стараясь не шуметь: не хватало еще объяснять Зинину, наверняка продолжавшему торчать у матушевских книжных полок, куда это он собрался на ночь глядя.

Он отыскал в кладовке матушевский налобный фонарь, прислушался: Зинин, снова по уши увлекшийся работой, не подавал признаков жизни – и вышел из дома.

Путь через лес оказался несколько проще, чем Стас предполагал. И все равно чем дальше он шел, тем большее раздражение его одолевало: по сравнению с его голодным недельным путешествием сюда, в Долину, три года назад, прогулку по здешнему лесу можно было считать просто-таки гастрономическим туризмом. Луч фонаря то и дело выхватывал из темноты семейства крепеньких аппетитных грибов и густо обсыпанные самыми разными ягодами кусты. Под ногами время от времени катались, как небольшие мячи для регби, упавшие кокосы. Когда же Стас задирал голову вверх, то в стекавшем с ночного неба потоке голубоватого лунного света были видны неожиданные среди могучих сосен и дубов гроздь бананов: все-таки Матушев был большой затейник...

Как, скажите на милость, эти идиоты итеры ухитряются среди такого изобилия жаловаться на недостаток еды?! Всего-то и труда – полчаса погулять по лесу и насобирать себе всякой всячины на очень даже не скудный обед! Ну хорошо, чтобы запастись едой на зиму, погулять придется подольше и принести домой побольше – но это ведь все равно ерунда...

К тому моменту, когда костер уже начал просматриваться сквозь строй мохнатых стволов (в этом районе леса почему-то обитали высоченные пальмы), Стас уже кипел от возмущения. Его идея насчет создания чего-то такого, что позволило бы людям самим исполнять свои желания, начала обрастать всяческими мстительными деталями: вот если бы получилось так, чтобы исполняться могли не любые желания, а только какие-нибудь особо тонкие, изыскан-

ные и непрактичные... Или если бы желания исполнялись – но процесс их исполнения был бы чрезвычайно сложным и напряженным...

Процесс воображаемого воспитания ленивых итеров пришлось прервать: совсем близко послышалось потрескивание костра, и Стас как-то неожиданно быстро вышел на крохотную полянку прямо под склоном холма.

Незнакомец, сидевший у костра, сощурился и заслонился рукой от яркого луча, идущего от Стасова лба. Стас спохватился и отключил фонарь: теперь, чтобы разглядеть любителя ночного леса, было вполне достаточно света и от костра, орошавшего огненными брызгами лесную тьму.

Даже если бы лицо незнакомца не было освещено переливающимся оранжевым отблеском костра, оно все равно выглядело бы янтарно-смуглым. На фоне этой густой теплой смуглости большие темные глаза, в которых плясали огоньки, приковывали к себе внимание даже сильнее, чем если бы горели на негритянском лице. Но окончательно Стас остолбенел, разглядев инфинит на левом виске: он был непривычного темно-шоколадного цвета.

Сначала Стасу показалось, что инфинит просто выглядит таким из-за цвета кожи, но потом он понял: холодный оттенок горького шоколада вовсе не совпадает с теплой янтарностью улыбающегося лица. Оставалось допустить, что инфинит и в самом деле был не пурпурным, как у всех, кого знал Стас на Другой Земле. Странно, ему казалось, что время, когда каждая встреча и каждое событие были космическим потрясением, давно прошло...

– Меня зовут Сандип, – снова улыбнулся незнакомец. – На хинди это означает «светящаяся лампа».

Ну конечно же! Даже удивительно, как Стасу сразу не пришло в голову, что вся экзотичность образа смуглого любителя ночных костров – следствие индийского происхождения. Непонятной оставалась только безупречность русского произношения Сандипа: уж Стас-то с его обостренной чувствительностью к малейшим нюансам всего произносимого не смог бы не заметить даже самый крохотный акцент, который практически всегда остается в речи иностранца.

Сандип привстал и протянул Стасу руку поверх костра. Стас, чуть помедлив, пожал узкую, но крепкую ладонь индийца-полиглота, и сел напротив, отделенный от нового знакомого колышущейся завесой огненных языков.

– Я Стас, – произнес он и замолк, судорожно пытаясь сообразить, откуда взялся здесь, в Долине, этот странный смуглый человек.

Индиец внимательно рассматривал Стаса, склонив набок удлиненное лицо, обрамленное кудрявыми волосами.

– У тебя необычный инфинит, – сказал он, осторожно указывая пальцем на правый висок Стаса.

Да уж, встретились два оригинала... И что теперь – играть в дипломатию? Или все-таки по праву хозяина здешних мест пойти напролом? Поскольку собственные дипломатические способности всегда казались Стасу весьма сомнительными, он решил выбрать второй вариант:

– А ты откуда, Сандип? Я тебя никогда в этих краях не видел.

Индиец мягко усмехнулся и проговорил:

– Я действительно не отсюда, Стас. Давай так: я тебе честно все расскажу, но чуть погодя. А сначала ты расскажешь мне, куда делся отсюда Тимур. Я ведь здесь уже неделю сижу и жду, пока хоть кто-нибудь захочет прийти на огонек. Но пока никому интересно не было.

Стас с горечью признался:

– А здесь всегда так... Одним интересно только то, чем они занимаются, и они по сторонам вообще редко глядят. А другим вообще ничего не интересно.

Сандип смотрел на него с таким серьезным вниманием, что Стас решил больше ни о чем не задумываться.

- Я, конечно, могу рассказать тебе про Матушева, но тут надо начинать из-за горизонта.
– Ну и в чем проблема? – удивился индеец. – Я готов послушать.

И Стас заговорил. Он рассказал Сандипу и о том, как сам оказался здесь, и о том, какие бурные волнения вызвал на Равнине его правый инфинит, и о собственноручно разорванном капроновом шнуре, и о своем путешествии, приведшем его в Долину. Рассказал о смерти Матушева во время волны сильнейшей дестабилизации, о своем разговоре с Галилеем, о самолете, отправке тяжело больного Сабинаина обратно на Землю – и напоследок о переселении в Долину, которое теперь не вызывало у него ничего, кроме тяжелого раздражения и стыда.

Сандип был прекрасным слушателем – сосредоточенным и чувствительным. Стас, который никогда не считал себя хорошим рассказчиком, вдруг обнаружил, что без всякого усилия подбирает точнейшие слова, ярко живописующие события трехлетней давности. Он говорил и сам диву давался: было решительно непонятно, как ему удалось всю эту непростую эпопею рассказать за какие-нибудь полчаса – причем, казалось, не упустив ни малейшей подробности.

Дослушав все до конца, индеец задумался, ковыряя в костре длинной веточкой, а потом спросил:

– У меня пока есть только два вопроса. Почему Тимофей все-таки не собрал армию и не начал войну? Я понимаю, что ему было неизвестно, куда вы переселились. Но ты ведь все время летаешь на Равнину: значит, ты бы знал, если он хотя бы пытался искать. А он, как я понял, даже не попробовал. Так почему, как ты думаешь?

– Так он же не дурак, – усмехнулся Стас. – Тогда, три года назад, он был в бешенстве: такие важные события – и происходят не по его воле, без его одобрения и даже без его участия! А потом он понял, что будет страшно глупо выглядеть, когда начнет метаться со своей армией по окрестностям и искать, где бы ему с нами повоевать. Да и смысл воевать-то? Ну завоевал бы он эту Долину – и дальше что?

Он немного подумал и честно добавил:

– Видимо, он оказался умнее меня: понял, что здешний народ и без его армии загнется. Потом-то он пришел ко мне и начал всякие сказки рассказывать: дескать, он не хочет новых смертей, а война снова привела бы к дестабилизации... В общем, он теперь на Равнине всем отец родной и царь-батюшка. Но я уверен, что оружия он все-таки наделал будь здоров сколько – просто пока еще не придумал, что с ним делать.

Индеец все с той же уважительной серьезностью обдумал Стасовы слова и задал второй обещанный вопрос:

– А ты-то зачем все время сюда прилетаешь, если тут тебя все раздражают? Я понимаю, у тебя здесь друзья. Но ведь ты бы мог, скажем, прилетать за ними и забирать их к себе в гости в институт? А ты прилетаешь и живешь здесь по несколько дней. Опять-таки – почему?

Стас тоскливо покачал головой:

– Ох, Сандип, это сложный вопрос... Давай мы его пока пропустим, а?

– Как хочешь, – покладисто согласился тот и снова начал сосредоточенно тыкать веткой в костер.

Стас немного подождал, пока индеец заговорит наконец о себе, не дождался и жалобно попросил:

– Давай теперь все-таки о тебе?

По реакции индийца он понял, что тот и не собирался уклоняться от выполнения своего обещания: он просто ждал, чтобы Стас подтвердил свой сохранившийся интерес и готовность слушать. Но заговорил он все же не сразу. Сначала он задумчиво разглядывал Стаса, словно бы подбирая слова, потом подбросил сухих веток в костер и долго располагал их с исключительной тщательностью, и только потом медленно заговорил:

– Ты сказал, что за три года так никто и не захотел попасть на Третью Землю. Так вот: зря ты грешишь на лень и отсутствие желаний у вашего народа. Дело в том, что ваш Галилей тебя обманул – причем дважды.

– Что это значит – «ваш Галилей»? – наморщив лоб, подозрительно спросил Стас.

Сандип снова заковырялся в костре, начавшем метать острые длинные искры. Потом мягко сказал:

– Ты чуть-чуть спешишь. Так вот, он обманул тебя, когда сказал, что его карт достаточно, чтобы попасть на Третью Землю. На самом деле это не так: туда вообще очень мало кто может попасть. А второй раз он обманул, когда сказал: у человека должно быть очень сильное желание, чтобы туда попасть. Если человек не знает, что конкретно его ждет на Третьей Земле, у него вообще не может быть никакого желания оказаться именно там. Нельзя из всех сил хотеть того, о чем понятия не имеешь. Этого никто не может, а не только твои ленивые итеры.

У Стаса медленно поползли в стороны углы губ. Он пристально взгляделся в лицо Сандипа, перевел взгляд на темно-шоколадный инфинит и торжествуя улыбнулся:

– Ты – с Третьей Земли.

– Ну да, – улыбнулся в ответ Сандип, но его улыбка была мягкой и как будто бы слегка смущенной. – Ты же это уже давно понял, разве не так?

Тут можно было бы и поспорить, но Стас не стал: уж очень его занимало странное выражение – «ваш Галилей». К тому же индеец разглядывал его так внимательно, что, казалось, можно вообще ничего не говорить – тот и так все понимает. И ничего хорошего в этом, надо сказать, Стас не видел.

– Даже не буду спрашивать, почему тебя так интересует тема Галилея. Хотя... Боюсь, тут тоже не все так просто.

– А почему не просто-то? – задиристо спросил Стас. – Я ведь не пытаюсь сказать, что он меня волнует просто из-за нашего предполагаемого родства.

– А мне кажется, что именно из-за этого. Но об этом поговорим потом. Разумеется, если ты захочешь, потому что это не совсем мое дело. Я сказал «ваш Галилей», потому что на Третьей Земле тоже есть свой Галилей.

Стас оторопел.

Ну и что это значит?! Один из этих Галилеев – самозванец, что ли? И Сандип, видимо, считает, что самозванец – тот, что на Другой Земле? Или все как-то иначе?

Он только открыл рот, чтобы озвучить все эти вопросы, но Сандип предостерегающим жестом поднял руку:

– Нет-нет, не волнуйся, ваш Галилей – вполне настоящий. И наш, кстати, тоже. Просто ваш Галилей – демиург, а наш – исследователь. Я пока помолчу, а ты подумай, на что я должен буду тебе ответить.

Стас немного поразмышлял, а потом осторожно спросил:

– А вы тоже называете свою Землю Третьей?

Пришел черед Сандипа торжествуя просиять. Он радостно хлопнул ладонью по коленке и воскликнул:

– Ай умница! Самый правильный вопрос задал. Да, мы тоже называем ее Третьей, хотя на самом деле она – Четвертая.

Получается, Галилей сначала оказался на Другой Земле. В это время его земной прототип продолжал существовать на своей родине – той Земле, которая без порядкового номера. Что-то Галилею здесь не глянулось, он создал свои карты и решил уйти на Третью Землю. То есть на ту Третью Землю, которая на самом деле Четвертая. Тоже, конечно, интересный поворот, но об этом можно будет поговорить и подумать чуть погодя. Так вот он решил туда отправиться, и ему это удалось. Но при этом прототип того Галилея, который на Четвертой

Земле, продолжает существовать здесь, в Первых горах Другой Земли. Ничего себе матрешка получается! Интересно, на всех остальных Землях тоже имеются свои Галилеи?

– Я так понимаю, тебе осталось понять насчет демиурга и исследователя? – поигрывая подвижными бровями, осведомился Сандип.

– Получается, так, – пожал плечами Стас и стал медленно рассуждать вслух: – Второму Галилею здесь понравилось то, что он может создать целый мир по своему разумению. Мир, где не будет инквизиции, где ученым будет полагаться райское житье, где только он будет устанавливать разумные законы – то есть по его мнению разумные. Ему это чертовски понравилось. Потому-то он и скрывался изо всех сил: какой же бог может себе позволить гонять чаи с простыми смертными – или даже бессмертными?! Потому и мне открылся: я его потомок – значит, вроде как тоже божественных кровей. А тому Галилею, который настоящий ученый, все это было как киске морковка – вот он и ушел к вам. Дескать, пусть этот Галилей играет здесь в бога-кукловода, а я там займусь настоящими исследованиями. Так? Или я что-то переврал?

Сандип смотрел на него с одобрительной улыбкой и молчал.

– Лихо! – восхитился Стас. – Осталось понять, чем же таким ваша Третья Земля отличается от нашей Другой.

– А заодно и от нашей общей просто Земли, – подсказал индеец, уже откровенно забавляясь щенячьим восторгом Стаса.

– Нет, тут уж я – пас, – решительно помотал головой Стас. – Откуда мне знать, как там у вас все устроено?

– И в самом деле – откуда? – весело согласился Сандип.

Стас скрестил руки на груди и выжидающе уставился на него, но индеец с прежней невозмутимостью снова занялся костром.

– То есть ты мне не расскажешь? – недоверчиво прищурился Стас.

– Ну почему же не расскажу? Расскажу, конечно. Просто не сейчас. И вообще у меня к тебе есть одно предложение. Видишь ли, я не люблю длинные монологи – ни свои, ни чужие. Поэтому давай в будущем один вопрос – мой, один – твой. По рукам?

Стас мысленно возрадовался: обещание будущего общения сулило массу интересного. Может быть, он даже полюбит прилетать в Долину. А может... И он расхрабрился:

– На сколько коротких вопросов ты мне сейчас сможешь ответить?

– Ну ты и нахал! – развеселился Сандип. – Ладно, черт с тобой. Три коротких вопроса – три коротких ответа.

Стас тут же выпалил:

– А я смогу увидеть Третью Землю?

– Второй вопрос, – бесстрастно предложил Сандип.

Очень информативно. Это невозможно? Или время для такого вопроса не пришло? Или на него нельзя ответить коротко? Или хитрый индеец просто развлекается? Хорошо, зайдем с другой стороны.

– А я смогу увидеть... вашего Галилея?

Сандип залился очень мелодичным смехом.

– Не пойму, то ли ты умный, то ли просто очень хитрый... Ну ладно, отвечу. На Другую Землю Галилей вернуться не может. Ты же сам говорил, что ваш Сабинин, вернувшись на Землю, просто стал тамошним Сабининым. Здесь наш Галилей точно так же сольется с вашим Галилеем. И с кем из них ты тогда будешь разговаривать?

– А ты сам? – коварно осведомился Стас. – Ты ведь здесь? Или ты сейчас тоже здешний Сандип?

– Я – немножко другое дело... Я-то из тех, кто с нашей Земли сразу попал на Третью, миновав Другую. Так что у меня здесь двойника нет, мне не с кем сливаться, – с тонкой улыбкой объяснил Сандип.

Восток – дело тонкое, как известно... Вроде бы и ответил, а вроде бы и нет. Сразу ведь, паршивец, понял, что имелась в виду встреча не здесь.

– У меня остался еще один вопрос, ведь так?

Сандип очередной раз молча улыбнулся.

– Что это за игры с нумерацией? Вы называете свою Землю Третьей, хотя она на самом деле Четвертая... Это как?

Индиец тут же посерьезнел и снова устался в костер. Стас терпеливо ждал, хотя это и стоило ему весьма недешево. Наконец Сандип нехотя заговорил:

– Понимаешь, нам с тобой не стоит пока говорить про настоящую Третью Землю. О ней вообще мало кто хоть что-то знает: те, кто там побывал, очень не любят о ней вспоминать.

– То есть чтобы попасть на вашу Четвертую Землю, не обязательно сначала побывать на той Третьей? – уточнил Стас, понимая, что, как бы Сандип ни ответил, это мало что прояснит.

– Кому как. Все, твои вопросы исчерпаны, – отрезал индеец, внезапно становясь отстраненным и мрачным.

– Хорошо, тогда у меня вопрос чисто организационный, – заявил Стас. – Ты здесь живешь или появляешься время от времени? Как мне тебя потом искать-то?

– Да поживу еще пока тут, – неопределенно пожал плечами Сандип. – Смотри на костер, и все. Ты сейчас домой иди, а то мне тоже спать пора.

И он, не дожидаясь реакции Стаса, растянулся на земле, обогнув своим гибким телом дгорающий костер, и немедленно вкусно засопел.

Стас еще немного посидел, глядя на бегающие по золе мерцающие красные огоньки. Интересно, неужели Сандип не замерзнет – на голой-то земле, без всяких подстилок и одеял? Стас поднялся и побродил вокруг в поисках достаточно толстых веток, чтобы на всякий случай подбросить их в костер: вдруг загорятся? Все-таки скоро трава покроется утренней росой, и станет совсем зябко...

Он нашел парочку толстых сухих коряг, бросил их в костер и, то и дело беспокойно оглядываясь, отправился в обратный путь.

Как оказалось, просидели они с Сандипом у костра почти всю ночь: когда Стас добрался до матушевского дома, верхний контур восточных холмов уже был обведен золотистой каймой.

Он на цыпочках поднялся на крыльцо и тихо пошел по коридору. Дверь у него за спиной распахнулась, Стас от неожиданности слегка присел и обернулся: на пороге стоял заспанный Зинин в пижамных штанах, которые были ему явно велики.

– Нашел костерчик-то? – поинтересовался он. – И кто ж его жег?

Стасу страшно не хотелось пока делиться с кем бы то ни было принесенной из лесу тайной, и он неловко соврал:

– Да не было уже никого у костра...

– Как-то долго ты с никем разговаривал, – с невинным видом заметил Зинин, продолжая разглядывать Стаса.

– А что, если ты отстанешь? Я вообще люблю подумать у костра, – огрызнулся Стас, демонстративно отвернулся и пошел в свою спальню.

Поспать ему удалось недолго: уже через пару часов его потряс за плечо все тот же неугомонный Зинин.

Стас с трудом продрал глаза, глянул на него и простонал:

– Господи, как же ты мне надоел...

– Зачем же так официально? Можешь обращаться ко мне просто по имени, – любезно разрешил Зинин. – Поработать, часом, не желаешь?

– А чего в рань-то такую? Попозже работа убежит? – пробурчал Стас, отворачиваясь от кошмарного видения и натягивая одеяло на уши.

– А попозже ты нас в лесу не найдешь, – объяснил историк, швыряя Стасу на кровать его одежду. – Вставай, я иду кофе варить.

Когда Стас, кряхтя и зевая, добрался до кухни, там уже действительно пахло свежесваренным кофе, а в тарелках на столе исходила паром отварная картошка.

Он оглядел стол, где, кроме двух чашек и двух тарелок, стояла еще только миска с квашеной капустой явно из матушевского подвала, и тяжело вздохнул:

– Живем поближе к народу, без излишеств?

– Почему? – удивился Зинин, разливая кофе. – Просто я люблю картошку с капустой.

– Уже целых три года любишь?! – ужаснулся Стас.

– Я ее всю жизнь люблю, родимую, – охотно пояснил Зинин и сладострастно разломил вилкой горячую картофелину.

– Что ж вы делать-то собрались, что я вам непременно понадобился? – уныло спросил Стас, отхлебывая слишком крепкий и слишком сладкий кофе.

– Буряк хочет еще один холодный погреб выкопать, чтобы туда запасы на зиму стаскивать. А я собираюсь карту леса сделать – ну, чтобы понимать, где что растет. С кем пойдешь?

Стас подозрительно покосился на Зинина, но тот с невинным видом уписывал свой любимый завтрак, не поднимая глаз. Тогда Стас тоже сделал безмятежное лицо:

– Нет уж, физические нагрузки после бессонной ночи не для меня. Я, пожалуй, с тобой двинусь.

– Я почему-то так и думал, – пробормотал Зинин с набитым ртом.

Как Стас и предполагал, больше всего Зинина интересовал тот край леса, который подпирал западные холмы. Именно там вчера горел костер, к которому Стас так неосторожно привлек внимание любопытного историка. Идти туда сейчас он хотел бы меньше всего: сначала нужно было самому как-то разобраться с полученной от Сандипа информацией. Но и делать свое нежелание очевидным пока тоже не хотелось: что-что, а уж делать выводы Зинин умел превосходно.

Так и не решив, как себя вести, Стас настороженно двинулся за Зининым в сторону западных холмов. Когда-то он читал, что разведчики стараются использовать любую возможность говорить правду, когда она не противоречит их легенде – видимо, чтобы отдохнуть от постоянного вранья, – и потому сейчас взял на себя роль экскурсовода. Он оживленно демонстрировал историку то небольшую кокосовую рощицу, то заросли банановых пальм, то ягодные кусты – и одновременно вдохновенно сочинял способы заготовки на зиму всех этих лесных богатств. Зинин, весело косясь на него, только хмыкал и наносил на предварительно заготовленную карту соответствующие пометки.

Когда вчерашнее кострище оказалось уже в опасной близости, Стас растянулся на траве:

– Все, шабаш. Отдыхаем.

Зинин к этому времени тоже немного подустал, поэтому спорить не стал и уселся рядом, прислонившись к толстому волосатому стволу очередной пальмы.

– Слушай, а почему мы этого раньше не сделали? – поинтересовался Стас, обрывая ежевику с присоседившегося рядом куста. – Казалось бы, все так логично: определиться с продуктами запасами...

Зинин недовольно дернул углом рта и без особой охоты проговорил:

– Не поверишь: мы только этим летом обнаружили, что тут есть бананы... Как-то раньше никто так далеко не заходил.

Стас присвистнул:

– Ничего себе! Исследовательская активность ученых Другой Земли просто зашкаливает.

– А сам-то ты часто по лесу гулял? Если сегодняшнюю ночь не считать? – осведомился Зинин.

– Да я и о себе говорю... Видишь, правильно я тебе вчера сказал: все мы здесь увечные и убогие, – печально подытожил Стас. – А ты на меня всех собак спустил.

Зинин еще какое-то время мрачно черкал карандашом по карте, потом решительно встал и скомандовал:

– Хватит на сегодня, пошли.

Пройдено было не больше половины обратного пути, как по лесу звонко разнесся разбойничий свист – так в Долине умел свистеть только Василёв – и металлический лязг. Они тревожно переглянулись и сорвались с места, перепрыгивая через торчащие корни гигантских секвой, густо обосновавшихся в этой части леса.

Когда они, запыхавшись, выскочили на площадь (так торжественно именовалась лужайка перед матушевским домом, сильно расширившаяся со времен первого появления Стаса здесь), там уже столпилось почти все население Долины. Люди стояли плотным кольцом вокруг крыльца.

На самом крыльце стояло трое: злой Буряк без рубашки, но с топором в руке и огромный Игорь Лукенченко, намертво ухвативший за локоть незнакомого Стасу бледного рыхлого парня с перепуганным лицом. Бледный был то ли морталом, то ли эктором: на положенном месте привычный инфинит отсутствовал, и он все время отчаянно шарил глазами в толпе.

Стас с Зининым продрались сквозь толпу и поднялись на крыльцо.

– Что тут? – спросил Стас, глядя снизу вверх на Буряка, занявшего самую верхнюю ступеньку лестницы.

– Вора поймали, – сумрачно ответил тот и спустился на пару ступенек вниз, уступая место Стасу.

Толпа на площади понемногу стихала, и Стас про себя выругался: как же надоело ему за последние три года разговаривать с толпой, привычно ожидавшей чего-то именно от него.

Он обвел взглядом волновавшуюся толпу и выхватил из нее странно искажившееся при виде него лицо армянской провидицы Эммы. Встретившись с ним взглядом, та заметно напряглась и посторонилась, чтобы ее закрыла чья-то гривастая голова. Это удивило Стаса, но сейчас имелись более насущные задачи, поэтому он мысленно передал привет Скарлетт О'Хара и решил, что подумает об этом после.

Он пригляделся повнимательнее к перепуганному парню, который болезненно морщился от железной хватки гиганта Игоря, хранившего на лице выражение флегматичного пренебрежения. Скорее всего, это был эктор: морталов все-таки Стас знал всех.

– Чей он? Ведь наверняка для хозяина воровал, – спросил Стас и перевел холодный взгляд на эктора. – Или для себя? Слышь, голодающий? Ты чей?

Эктор еще отчаяннее зашарил глазами по площади. Из неподвижной толпы раздался злобный вопль:

– Это Сашки Власова эктор!

Толпа взорвалась возмущенным гулом.

Буряк негромко проговорил на ухо Стасу, вставшему рядом с ним:

– Раньше уже было несколько случаев, только никого за руку не ловили. А сегодня мы вернулись из лесу, я только в дом вошел, слышу – где-то поблизости орут дурниной. Оказывается, у Серафимовичей.

Серафимовичами звали пару веселых шумных дричей, которые в свое время умудрились уговорить Стаса перевезти в Долину всю их многочисленную скотину. Стас до сих пор содрогался, вспоминая, как в его любимый самолет с диким визгом и ором загружались все эти телята и свиньи с замотанными тряпьем задницами и мордами. Стас настоял на этой мере предосторожности, сильно опасаясь за чистоту своего роскошного салона: кто ж мог знать, как живность отреагирует с непривычки на перепады высоты? К счастью, все обошлось без физио-

логических эксцессов, но повторить тот перелет еще раз Стас не согласился бы ни за какие пирожные.

Здесь, в Долине, Серафимовичи снабжали всех, к кому благоволили, отменным молоком и творогом, поэтому мало кто рискнул бы испортить с ними отношения. Впрочем, это в любом случае было бы довольно сложно: характеры у парочки, сошедшейся на почве общей любви к животноводству, считались практически золотыми – только очень уж шумными.

Тем временем в толпе началось какое-то ожесточенное движение: упомянутого Сашку Власова пытались вытолкнуть в центр людского круга. Тот, видимо, изо всех сил сопротивлялся, поэтому, будучи все-таки вытолкнутым, выглядел весьма потрепанным – даже на фоне не слишком импозантной местной публики. Теперь он торчал на общем обозрении в основательно изодранной рубашке и наискось спустившихся штанах, сердито огрызаясь на комментарии окружающих. Его голова странным образом напоминала крест: высокий узкий лоб, длинный узкий подбородок и широко растопыренные невероятные уши.

Насколько помнил Стас, Власов даже среди итеров выделялся редкой ленью и скандальностью. Его постоянно что-то не устраивало даже на Равнине, где его жизнь была устроена в полном соответствии с его собственным разумением – что уж говорить о том, каким пышным цветом расцвела его склонность в Долине! Поэтому сейчас толпа пылала праведным негодованием – хотя, учитывая вчерашнюю беседу с Мартынычем, Стас сильно подозревал, что и сочувствующих Власову в толпе имеется предостаточно.

Стас поднял руку, и человеческое кольцо утихло. Тогда он сурово сдвинул брови и грозно спросил у несчастного актора, угодившего под пресс народного гнева:

– В прошлые разы тоже ты воровал?

Тот яростно замотал головой, так испуганно вытаращившись на Стаса, что было вполне очевидно: он – далеко не единственный здесь, кто горазд поживиться за чужой счет. Стас вздохнул и обратился к сборищу на площади:

– Ну, общество, что делать будем?

Все загалдели, и стало заметно, что даже в этом стоянии на площади население Долины привычно разделилось на группы. Говоруны стояли ближе к крыльцу и в общем крике почти не участвовали: видно было, что их губы шевелятся, но голосов было не слышно. Итеры скупковались в максимальном отдалении от крыльца, которое, судя по всему, в местном коллективном сознании воспринималось как некая начальственная трибуна. Они вопили громко, беспорочно скользя взглядами по лицам окружающих. Громче всех кричали дричи, ощущавшие себя потенциальными жертвами и потому особо сильно скорбевшие о нарушении священного права собственности. В общем возмущенном геме толпы выделить какие-нибудь конкретные предложения было решительно невозможно, поэтому Стас подождал немного, морщась от нестерпимого гвалта, а потом не выдержал и рявкнул во весь голос:

– Ша, курятник! Сначала утихните, подумайте, что хотите предложить, потом руку поднимите!

Толпа обиженно умолкла и задумалась. Первым поднял руку пострадавший Серафимович и кровожадно предложил:

– Отметелить обоих. Могу взять на себя, но и от помощи не откажусь.

– Первое предложение есть, – кротко сказал Стас. – Дальше.

Следующей подняла руку Василиса с длинной пепельной косой и кротким лицом героини русских сказок. Про нее Зинин говорил, что она – из дричей бесполезных, но эстетически значимых. В ее саду росли невероятной красоты цветы самых разных земных широт в комбинации, совершенно невероятной по климатическим соображениям. Она им пела, читала стихи, поливала их только из ладоней, но никак не из лейки, и, наверное, укладывала бы их с собой в постель, если бы только это не вредило их благополучию. Стас опасался, что от нее поступит предложение погрозить Власову пальчиком, но все же вынужден был предоставить ей слово.

– По-моему, их нужно просто отвезти обратно на Равнину, – тихим кротким голосом произнесла она, преданно глядя Стасу в глаза.

– Еще предложения есть? – с трудом сдерживаясь, спросил Стас.

Группа итеров тревожно топталась, переглядывалась, но молчала. Тогда поднял руку Буряк и, не дожидаясь знака Стаса, заявил:

– А я бы вывез Власова с его людьми как можно дальше – и пусть шагают куда хотят. С голоду не сдохнут. Может, до Равнины доберутся, может, сдуру сюда дорогу найдут – без разницы. Слишком жирно будет, если их просто отвезти к их холодильникам.

Стас едва удержался, чтобы не зааплодировать, но все-таки сумел с серьезным видом кивнуть:

– Третье предложение. Дальше.

Где-то в дальних рядах поднялась рука, и густой бас произнес:

– Предлагаю повесить.

Воцарилась напряженная тишина. Многие завертели головами, пытаясь разглядеть автора столь радикального предложения, и только через пару минут кто-то не выдержал и расхохотался.

Очень интересно... Неужели действительно, услышав эту мрачную фразу, все ухитрились забыть, что Власов – парцел? Здорово было бы с этим поэкспериментировать: может, и в самом деле некоторые слова обладают таким мощным значением, что, будучи произнесенными, на время просто выключают какие-то важные процессы в мозгу? Надо попробовать...

Стас настолько увлекся обдумыванием неожиданного лингвистического подарка, что даже забыл о своей функции председателя высокого собрания. Вывел его из забытья Буряк, безжалостно ткнувший его кулаком промеж лопаток. Стас спохватился:

– Предложений больше нет? Тогда голосуем. Кто за первое предложение – переходит налево, – и он махнул рукой в нужном направлении, – кто за второе – направо, кто за третье – кучкуется в центре.

Кольцо сразу превратилось в круговорот, и потребовалось не меньше пяти минут, чтобы людские потоки распределились в соответствии с выбранным вариантом и замерли.

К великому облегчению Стаса, группы справа и слева оказались существенно меньше, чем центральная, в которой собрались все говоруны и большинство дричей.

– Решено! – злорадно крикнул Стас. – Завтра я захвачу их с собой.

Толпа снова зашумела – на этот раз весело – и начала рассасываться. Стас сбегал с крыльца и направился туда, где стояли говоруны, что-то возбужденно обсуждавшие с дричами. Туда же подошла и Алена, на протяжении всего народного вече кидавшая на Стаса неуверенно-жалобные взгляды. К его облегчению, рядом с ней не наблюдалось ее эктора – Стаса-два, как в отсутствие Алены его ехидно называли. Впрочем, и раньше Алена отнюдь не стремилась сводить в одном пространстве двух главных Стасов ее жизни – настоящего и намечтанного ею. Стас был ей благодарен за это – хотя был бы благодарен еще больше, если бы и с ней самой ему приходилось встречаться как можно реже.

Центром митинга был Зинин: похоже, назревало очередное кухонное камлание русской интеллигенции. Стас вполне мог предположить, что именно на этом камлании будет обсуждаться... Зинин наверняка будет рассматривать сегодняшнее карающее вече как спонтанное зарождение системы регулирования человеческих отношений. Василёв и Буряк, как прагматики, начнут обсуждать способы затруднить провинившемуся итеру и его эктору возвращение в Долину. Ни та, ни другая тема Стасу были решительно неинтересны. И вообще он лелеял несколько иные планы на сегодняшний вечер.

Раздосадованный, он подошел к митингующим и предложил:

– Если вы жаждете обсудить судьбы общества, пошли в дом. Иначе кто-нибудь захочет еще за что-нибудь проголосовать.

Как он и предполагал, Зинин был страшно обрадован происшедшим: в поимке вора он видел начало каких-то грандиозных социальных процессов. Сам Стас был настроен куда менее оптимистично, но предпочитал в спор не ввязываться: оппонентов у Зинина хватало и без него.

До наступления темноты Стас еще как-то сдерживал нарастающее раздражение. Потом ему стало совсем невмогуту: то и дело кто-то из присутствующих интересовался его мнением – и не потому, что его слова были особо важны, а скорее для поддержания иллюзии, что прежний штаб остается тесной компанией единомышленников. Стас напряженно ждал, пока разговор станет настолько бурным, чтобы он смог исчезнуть из кухни незамеченным.

Наконец он решил, что подходящий момент настал, и тихо выскользнул из кухни, стараясь ни с кем не встретиться взглядом. Памятуя о вчерашних словах Зинина насчет топота по крыше, он постарался шагать по лестнице и потом по дощатому полу смотровой площадки как можно осторожнее, хотя пятки чесались как можно быстрее донести его до перил, чтобы разглядеть в темноте у западных холмов далекое пятнышко костра.

Когда он это пятнышко разглядел, сердце у него екнуло. Оставалось так же тихо исчезнуть из дома, и он в сердцах выругал себя за то, что перед сном зачем-то выложил налобный фонарь из кармана. Теперь придется красться мимо открытой кухонной двери – сначала в спальню, а затем...

Тут он услышал осторожные шаги на лестнице и сердито обернулся.

На площадку поднялся Буряк. Он, тоже стараясь не создавать лишнего шума, подошел к перилам и встал рядом со Стасом.

Некоторое время они молчали, потом Буряк сказал:

– Который раз удивляюсь, как здесь тихо вечером. Ни цикад, ни комаров... Странно. Никогда бы не подумал, что могу скучать по комарам.

У Стаса внутри все дребезжало от сдерживаемого нетерпения, поэтому он промолчал.

Буряк искоса глянул на него и негромко сказал:

– Мне Зинин сказал, что ты ходил ночью к тому костру. Он злится, что ты ничего не хочешь рассказывать. Считает, что ты так свое превосходство демонстрируешь.

– А ты как считаешь? – с вызовом спросил Стас.

– Не кусайся, – спокойно ответил Буряк. – Я пока никак не считаю. Раз молчишь – значит, тебе так нужно. Ты снова туда собираешься?

Стас смутился. Почему-то врать в глаза Буряку ему было намного труднее, чем Зинину.

– Прости. Да, я снова пойду туда.

Буряк немного помялся, потом посмотрел прямо в глаза Стасу.

– Ты вчера разговаривал с женщиной?

Стас опешил: такого вопроса он никак не ожидал. Целую минуту он изумленно смотрел в мрачные глаза Буряка – и в конце концов понял.

– Успокойся, это был мужчина. Лилии ничто не угрожает, – усмехнулся он и физически почувствовал, как растаяло напряжение между ними. – Обещаю: завтра утром я все тебе расскажу. Может быть, даже вам всем. Но тебе – обязательно. Ты меня прикроешь?

Буряк кивнул и полез в карман.

– Тогда тебе понадобится вот это, – и он достал налобный фонарь.

Стас взял фонарь, благодарно улыбнулся и пошел к лестнице.

Теперь в дом можно было не заходить, и он, осторожно ступая, подошел к могиле Матушева. Коснулся креста, мысленно передав палеонтологу привет от Сандипа, и пошел к лесу. Отойдя на порядочное расстояние, он обернулся: Буряк по-прежнему стоял наверху и смотрел ему вслед.

...Сандип, как и вчера, перемешивавший угли в костре длинной веткой, встретил Стаса все той же мягкой, чуть иронической улыбкой. Стас поприветствовал его, с удивлением отме-

тив легкую дрожь в собственном голосе: практически первое свидание, язвительно поздравил он сам себя.

Сандип подождал, пока гость усядется напротив него, и спросил:

– Ну что, играем по правилам?

– Играем, – согласился Стас.

– Тогда не будем нарушать традиций. Первый вопрос – мой, ты не против?

Сандип не продолжал: он честно ждал Стасова согласия. Стас снова удивился тому, что возможность отвечать на вопросы индийца его радует ничуть не меньше, чем возможность самому продолжать расспросы, и с готовностью кивнул.

– Хорошо. Тогда расскажи, что у вас там сегодня происходило?

– Ты что, подсматривал? – засмеялся Стас.

– Конечно, подсматривал, – с удовольствием подтвердил индеец. – Но подслушать мне не удалось. Поэтому рассказывай.

Он выслушал рассказ с тем же сосредоточенным вниманием, которое покорило Стаса еще вчера, а потом спросил:

– А почему весь разговор с толпой вел именно ты?

– Да как-то так сложилось, – пожал плечами Стас. – Они же еще на Равнине решили, что я у них теперь вроде как главный...

Сандип пристально посмотрел на него и усмехнулся:

– Так это же они решили... Ты-то почему с ними согласился? Тебе понравилась роль особенного? Или не захотел их разочаровывать?

Стас напрягся.

– Это ты к чему?

– А я пытаюсь понять, к какому из Галилеев ты ближе: к здешнему или к нашему.

– И в зависимости от этого ты мне что-то расскажешь или не расскажешь? – усмехнулся Стас.

Индеец отрицательно покачал головой:

– Нет, я в любом случае буду честно отвечать на твои вопросы. Мне самому это важно. Меня всегда интересовало, как человек становится приором или исследователем.

– Ты хочешь сказать, что я веду себя как приор? – недоверчиво прищурился Стас.

– И снова – нет. Пока что я предполагаю, что ты и есть приор. Сам подумай: все, кому нравится влиять на других – приоры. Те, кому нравится от кого-то зависеть – итеры. Те, кому интересно, как что на что влияет – исследователи. Все очень просто.

Стас холодным тоном произнес:

– Вообще-то я именно исследователь, если ты не забыл.

Сандип снова внимательно посмотрел на него и спокойно кивнул:

– Пусть так. Твой вопрос?

Оказалось, предыдущий диалог так растревожил Стаса, что все вопросы, которые он старательно готовил весь сегодняшний день, перемешались между собой и теперь никак не хотели вразумительно формулироваться. Сандип снова занялся костром, не выказывая ни малейшего нетерпения, за что Стас был ему весьма благодарен.

– Ладно, – решил он наконец. – Самый главный вопрос: как все устроено у вас там, на Третьей Земле?

– Конечно же, ты должен был спросить именно это, – улыбнулся Сандип. – Хотя ответить довольно трудно. Дело в том, что у нас там никак не устроено. Разница между Третьей Землей и первыми двумя – не в устройстве, а в людях. Я тебе напому одну известную фразу: может, если бы человек не изобрел колесо, мы все бы сейчас летали?

Стас думал долго. За это время костер начал понемногу мельчать, и Сандип отправился на поиски подходящих веток. Когда он вернулся, Стас все еще размышлял и даже не заметил,

что вновь разгоревшийся костер начал подкрадываться к его подошвам. Индеец аккуратно сгреб выпавшие из огня ветки и продолжил:

– На нашей общей Земле когда-то придумали колесо. Потом стали придумывать все остальное. Как только людям не хватало их собственных возможностей, они придумывали какие-то приспособления. Самолет, телефон, книги... Да ладно, я даже перечислять не буду.

Назад к природе? Чего человеку бог не дал, то и не нужно? Интересно, чем ему книги помешали? Ладно еще телефон – но книги-то?!

– Не спеши, – ответил Сандип на невысказанные язвительности Стаса. – Я еще не закончил. Иными словами, люди начали создавать какие-то внешние возможности, которыми они от природы не обладали. Потом те, кому таких возможностей не хватало, стали появляться на Другой Земле. Сам знаешь, каждый из вас оказался здесь с тем набором возможностей, о которых мечтал на Земле. И неважно, что для кого-то это были постоянно наполняющиеся шкафы, для кого-то – земля, на которой можно что-нибудь выращивать, а для кого-то – возможности нечто изобретать или изучать. Согласись, ты ведь тоже мечтал именно о таких внешних возможностях? Аппаратура, о которой ты вчера говорил, надежные исполнители твоих указаний, эксперименты, которые будешь планировать только ты...

Проповедь. Чистая проповедь. Не гонитесь за вещами – стремитесь к совершенству духа... Черт, черт, черт! Получается, Галилей-исследователь оказался там – и это соответствует каким-то высоким идеям Третьей Земли, а он, Стас, со своим институтом пригоден только для ущербной Другой Земли? Еще сто раз черт!

– Еще минутку потерпи, – попросил Сандип, пряча усмешку. – Я, например, просто люблю общаться. Не трепаться, не обсуждать высокие материи, не спорить о судьбах мира – а общаться с теми, с кем общаться интересно. Поэтому мне пришлось выучить несколько десятков языков и научиться перемещаться в разные концы Третьей Земли. Видишь, даже на Другой Земле могу оказаться – без всяких галилеевых карт. Без крыльев, без космических кораблей – просто так. Мы там делаем наши возможности из самих себя. Вы здесь имеете то, что хотите иметь, а мы там делаем себя такими, какими хотим быть. Вот и все. Дальше фантазируй сам.

Стас судорожно пытался понять, как же он относится ко всему услышанному. Получалось плохо. Его швыряло от привычного по земным временам снисходительного презрения к подобным учениям до детского восторженного замирания сердца.

– То есть вы там все невероятно умные, физически совершенные и безгрешные? – не слишком уверенно пошутил Стас, исподлобья глядя на Сандипа.

– Да ты что?! – ужаснулся тот. – Разве ж я про это? Хочешь, я тебе расскажу, как развлекается на Третьей Земле, например, твой предок? Как ты помнишь, он еще дома всякими линзами занимался. Так у нас он научился смотреть на собственный организм изнутри. Я даже не знаю, как тебе это объяснить... Я не физик и не биолог, так что говорю, как понимаю: он теперь может отслеживать то, как устроено его зрение. Там ведь, как ты понимаешь, без линз не обошлось. А заодно он стал интересоваться и прочими телесными процессами: не поверишь, но он их как-то ухитряется видеть. А еще один наш умник этими самыми процессами научился управлять. То он неделю ходит горбуном, то – беременной женщиной... Пытается мир воспринять так, как воспринимают его те, кем он становится. Мы спрашивали, как он это делает – он даже объяснить не может. Может только показать. Жутковатое, знаешь ли, зрелище, когда у тебя на глазах мужчина в женщину превращается...

– Так, стоп! – решительно заявил Стас. – С меня пока достаточно. Это бы переварить...

– Тогда – мой вопрос. Почему ты так горевал о Матушеве? Когда ты рассказывал, как его хоронил, я понял, что для тебя это было очень важно.

И снова – совершенно неожиданный вопрос. Стас готов был услышать что угодно – но никак не это. Пожалуй, он и сам никогда об этом по-настоящему не думал. Или не позволял себе думать?

– Тут, наверное, сразу две причины, – медленно начал Стас, тщательно подбирая слова. – Во-первых, меня восхитила гениальность идеи. Это ж додуматься было надо: оказаться здесь с целым куском древней планеты! Получается, он – единственный из нас, кто действительно принял свое бессмертие и попытался его с кайфом использовать. Страшно обидно, что не получилось... Даже сказать не могу, насколько обидно и жалко.

– А вторая причина? А то ты сейчас совсем в тоску занырнешь.

– А вторая... Понимаешь, мне бы тоже изо всех сил хотелось узнать, что было бы дальше с его обезьянами. Вот не верю я, что говорить они научились так, как сейчас это считается: какие-то мутации генов, которые непонятно почему закрепились, хотя произошли в разное время и по отдельности выживать никак особо не помогали... А потом, дескать, не умеющие говорить полуобезьяны сели и договорились одно чувство обозначать словом «тоска», а другое – словом «отчаяние». Тебе это не кажется смешным? А я смеюсь уже лет десять. И, сдается мне, Матушев в это тоже не верил. Во всяком случае, так мне кажется по его материалам.

– Нет, не верил, – негромко подтвердил Сандип. – Он мне сам это говорил. Ты именно это изучаешь в своем институте?

– Нет, конечно, – с горечью сказал Стас. – Как это можно изучать в институте?! Это можно было бы сделать только так, как он сделал. Но... Не случилось. Знаешь, я ему отчаянно завидую: ему такое пришло в голову, а мне – нет. Он мечтал об этом, а я – об энцефалографах и прочей ерунде. Так что, видимо, ты прав: никакой я не исследователь.

– Вообще-то я этого не говорил, – мягко напомнил Сандип. – Ладно, будем считать, ты мне ответил. Твой вопрос.

– Ох... – тяжело вздохнул Стас. – У меня уже и так голова как набитый чемодан, который надо ремнями стягивать. Хотя... Знаешь, я не понимаю одного: почему ты мне все это рассказал? Ты ведь здесь оказался совсем не за тем, чтобы меня с собой на Третью Землю забрать, правда? Тогда зачем?

Индиец засмеялся:

– Ты не поверишь, но – чтобы продолжить общение. Сначала я сюда прилетел к Тимуру. Потом, когда понял, что его больше нет, стал ждать хоть кого-нибудь любопытного. Появился ты и рассказал мне то, что рассказал. Мне стало интересно. Было же очевидно, что мне придется платить за собственное удовольствие: чтобы ты говорил, я должен был тоже говорить – причем о том, что интересно тебе. Вот как-то примерно так.

Стас вскочил и беспокойно зашагал вокруг костра.

– Слушай, но ведь тогда получается, что здешний Галилей все-таки должен знать, как к вам попадают? Тогда зачем он мне соврал?

– Он – демиург, – с печальной улыбкой произнес Сандип. – Бог, творец, самый главный во Вселенной... Можешь продолжить на свой вкус. Ему нравится власть.

– То есть какие-то условия, которые достаточно выполнить – и окажешься на Третьей Земле? – с надеждой поинтересовался Стас.

Индиец пожал плечами.

– Я ведь уже говорил тебе: я мало что про это знаю. Я помню только одно: вот я только что был у себя в Мадрасе, а потом – хлоп... И я на Третьей Земле. В смысле – на Четвертой. Но то, что ты говоришь, наверняка возможно – ведь как-то Галилей у нас оказался? Одно могу сказать тебе точно: приоры к нам не попадают.

Стас немного поразмыслил и невесело усмехнулся:

– Хитрый ты мужик, однако... Ты, небось, ни одного вопроса просто так не задал? Ладно, я все понял, буду думать. Только... Что теперь будет? Мне надо улетать, ты тоже наверняка здесь жить не собираешься. Мы еще увидимся?

– Захочешь – увидимся, – хладнокровно ответил Сандип. – Если ты действительно захочешь, я это почувствую. Но встречаться мы можем только здесь. Проход между нашими Зем-

лями – именно здесь. Кстати, те координаты, которые Галилей тебе, видимо, сообщил, – наверняка где-нибудь посреди океана или в пустыне. Так что можешь даже не пробовать.

– Я так понимаю, сеанс связи окончен? – тоскливо спросил Стас. – Мне пора уходить?

– Нет, – мягко, как всегда, сказал Сандип. – Это мне пора уходить. Пока ты сам до всего нужного не додумаешься, разговаривать нам будет просто неинтересно. Обоим неинтересно.

Он встал и протянул руку Стасу, продолжавшему нервно носиться вокруг затухающего костра. Стас замер и взгляделся в смуглое лицо. Сандип встретил его взгляд спокойной серьезной улыбкой и вдруг подмигнул:

– До встречи?

Стас пожал ему руку, молча кивнул и быстро ушел в лес.

Он давно знал странное свойство своего мозга: когда туда поступало слишком много важной информации, ему нужно было какое-то время просто не думать. Все как-то само собой продолжало там вариться, а потом в один прекрасный момент укладывалось перед ним в виде более или менее красивой схемы, которую потом становилось так сладко обдумывать...

Поэтому и сейчас он не думал о двух ночных разговорах у костра. Он просто шел обратно, ощущая гулкую гудящую пустоту внутри, и даже не знал, хочет ли чем-то эту пустоту наполнить. Сейчас достаточно было вернуться в бревенчатый дом, немного поспать, утром посадить в самолет всю компанию вороватого итера, долго кружить над окрестными равнинами, чтобы дорога назад не стала бы для него и его экторов слишком очевидной... Потом посадить их – возможно, даже выгнать из самолета: скорее всего, Власов станет ныть и упираться, а его экторы – ему помогать... Но посадить их все-таки придется.

Потом можно будет снова взлететь и через полчаса увидеть Лилию. Ей-то он непременно расскажет обо всем, что услышал от Сандипа, и мысль об этом вызывала у него восторг, смешанный с некой тревогой. Он не сомневался, что в ответ на свой рассказ услышит от Лилии что-нибудь совершенно неожиданное...

Тут он растянулся, споткнувшись об укрытую травяным ковром корягу, и внезапно с досадой вспомнил о своем обещании рассказать все сначала Буряку. Теперь это обещание казалось ему чрезвычайно опрометчивым: куда более приятно было бы подбирать нужные слова под пристальным взглядом непроглядных глаз Лилии... Может, взять Буряка с собой на Равнину и уже там, в институте, рассказать обо всем им обоим сразу? Хотя... Кто знает, какие у деятельного Буряка планы в Долине на ближайшие дни?

За этими сугубо практическими размышлениями дорога оказалась недолгой, и в своей спальне Стас очутился еще до рассвета. Он прислушался и понял, что Зинин еще не ложился: из матушевского кабинета доносилось, как колыбельная, сосредоточенное бормотание. Перед тем, как обрушиться в глухой сон, Стас еще успел подумать: интересно, как долго продолжалось после его ухода экстренное заседание штаба по поводу первого в истории Долины юридического казуса?..

...Проснулся он от странного ощущения, что спать больше почему-то нельзя. Полежал немного, пытаясь понять, откуда взялась эта тревога, но так и не понял.

Он открыл глаза и посмотрел в окно. Погода – как, впрочем, почти всегда на Другой Земле – была прекрасной: значит, итеру-изгнаннику не придется искать дорогу под дождем. А жаль.

Вдруг за окном промелькнуло что-то очень большое и темное. Стас насторожился: промельк был слишком быстрым, так что ему не удалось рассмотреть, что это было.

Он вскочил, в спешке натягивая штаны и путаясь в них еще не проснувшимися ногами. Застегиваясь на ходу, подскочил к окну.

Видно из окна было именно то, что и всегда. Никаких неожиданностей.

Настороженность, однако, продолжала нарастать, и Стас разозлился на себя: тоже еще, кисейная барышня – так распереживаться из-за каких-то разговоров! Может, теперь еще и привидения начнут являться?

Он быстро прошагал по коридору и, не заботясь об осторожности перемещения, почти взлетел по лестнице наверх. И только сделав два огромных шага по дощатому полу площадки к перилам, он признался себе: еще лежа в постели, он понял, что именно мелькнуло в окне. Просто сразу поверить в это казалось решительно невозможным.

А теперь, с высоты оборудованного Матушевым наблюдательного пункта, хорошо знакомые Стасу большие лохматые кучи были прекрасно видны: точно так же они выглядели три года назад, после волны смертей, когда он впервые оказался здесь, в Долине. Только тогда эти кучи лежали неподвижно и таяли на глазах, а сейчас шевелились – и, надо сказать, шевелились довольно быстро.

Стас замер, боясь то ли спугнуть видение, то ли привлечь к себе внимание вновь заполнивших Долину австралопитеков.

Откуда? Это Сандип? Или он сам? Но он точно не хотел! Даже не думал об этом...

Или все-таки думал? Во всяком случае, вчера с Сандипом на эту тему он говорил весьма страстно. Значит, все-таки он сам?..

Равнина

...Это была его любимая комната в доме. Именно о такой комнате Тимофей мечтал лет пятьдесят назад, когда ютился в тесной квартирке бестолковой советской планировки. Потолок нынешней комнаты терялся где-то высоко в полутьме, плавно, без углов перетекая в неровные стены. И потолок, и стены были как будто грубо вырублены прямо внутри скалы: по его разумению, примерно так должно было выглядеть жилище скандинавского конунга. Впрочем, даже если оно выглядело совсем не так – Тимофею было все равно. Главное, что в такой огромной мрачной зале (ему нравилось называть эту комнату именно залой) было спокойно и комфортно.

Несмотря на все еще продолжающееся лето, он не мог отказать себе в удовольствии смотреть на открытый огонь, поэтому в дальнем углу залы в камине мерцал черно-багровый ковер из углей. Из-за своего устройства зала оставалась прохладной в любое время года и при любой погоде, хотя незаметные кондиционеры все равно продолжали бесшумно гонять дополнительную прохладу.

Вдоль всех стен стояли низкие широкие диваны, покрытые, как и пол, звериными шкурами. Помнится, в свое время Тимофей даже рисовал многочисленные картинки такой комнаты, бесясь при мысли об абсолютной невозможности когда-либо в подобной пожить. Ошибался.

Он задумчиво шурился, наблюдая за игрой огненных змей на тлеющих углях, и раз за разом придирчиво проверял собственные аргументы. Наконец он решил, что готов, и с силой ударил в толстый металлический диск, отозвавшийся низким долгим рыком. Такие диски висели над всеми диванами, и рядом с каждым диском на изящной цепочке висел молоток с обернутой мехом тяжелой головкой.

В залу из всех экторов Тимофея допускался лишь один: именно он сейчас и возник в дверном проеме. Только с ним Тимофею было интересно разговаривать; остальные экторы предназначались для более практических надобностей.

Вошедший в комнату эктор носил имя Герман. Так звали давнего друга Тимофея – собственно говоря, его единственного друга за всю жизнь. Они подружились еще в конце школы: вместе занимались шахматами, только у Тимофея (тогдашнего Тимки) был первый разряд, а у Германа – второй.

Потом Тимофей поступил в Бауманское училище, на тот момент еще не ставшее техническим университетом, а Герман – на механико-математический факультет МГУ. Тогда-то и выяснилось, что Герман, оказывается, почти что гений. Может быть, даже без «почти что». Практически сразу же после поступления он ушел в астрал фундаментальной науки, а его первая статья в страшно престижном математическом журнале была напечатана, когда он еще учился на третьем курсе. Их общение как-то само собой начало затухать, а на пятом курсе новоявленный гений выпрыгнул из окна.

Разумеется, эктор Герман гением не был, хотя говорить с ним временами тоже было очень интересно. Иногда Тимофею даже приходилось делать вид, что сказанное Германом давным-давно уже было ему, Тимофею, известно. Поэтому сейчас для предстоящего разговора ему нужен был именно Герман.

Длинноволосый, скуластый и очень бледный – в точности, как тот, другой Герман – эктор смотрел на Тимофея спокойно, почти не мигая. Эта дурацкая особенность Германа раздражала Тимофея еще в юности, но деться было некуда: здешний Герман повторял земного с точностью до последней волосинки.

– Садись, – и Тимофей указал Герману пальцем на низенький диванчик рядом с широкой софой, на которой восседал сам. – Мне нужно кое-что проверить. Слушай внимательно.

– Вы же знаете, я всегда внимателен, – серьезно уточнил Герман, опускаясь на предписанное ему место.

– Слушай внимательно, – раздраженно повторил Тимофей. – Ты скажешь мне, если найдешь слишком уж необоснованные допущения.

Герман изготавился слушать, что было понятно по вздернутым бровям и расфокусированному взгляду.

– Итак, мои проигрыши. На Равнине не осталось ни одного мортала, которого я мог бы использовать в своих целях – это раз. Я до сих пор не знаю, куда все эти морталы переселились – это два. Первое и второе вместе означает, что мне не хватает конкретных инструментов власти. Переселение произошло без обсуждения со мной и вопреки моей воле – это три. Появился человек, обладающий тремя неоспоримыми преимуществами передо мной – единственным в своем роде инфинитом, обладанием картами Галилея и родством с самим Галилеем. Это четыре. Итог: сейчас я не могу считаться самым сильным на Равнине. Все так?

– Вы правда хотите, чтобы я это подтвердил? – тихо спросил Герман.

– Можешь не подтверждать, – отмахнулся Тимофей. – Теперь выигрыши. Мы знаем, что Галилей действительно существует – причем где-то поблизости. Это раз.

– Я вмешуюсь? – наполовину спросил, наполовину предупредил эктор.

Тимофей с досадой уставился на него:

– Ну давай.

– Мы не знаем, когда у Стаса появился самолет. Если он появился до его встречи с Галилеем, то Стас мог слетать к нему хоть в Южную Америку.

– А хрен тебе! – торжествующе воскликнул Тимофей, ткнув пальцем в Германа. – Когда он прилетел первый раз, у них была какая-то сходка, и после нее прошла весть только насчет переселения. Если бы уже тогда про карты было известно – все узнали бы об этом тогда же.

– Второй раз он тоже отсутствовал чуть ли не сутки, – упорствовал Герман.

– Ладно, ладно, – раздраженно кивнул головой Тимофей – Оставим под вопросом, но, скорее всего, прав все-таки я, а не ты. Идем дальше. Лосева не стало, а Капитан мне не соперник, его можно не учитывать – это два. На Равнине остались самые ленивые и самые безразличные – это три. Общий итог: если я захочу повести за собой людей Равнины – я это смогу. Возражения есть?

Эктор обстоятельно все обдумал и покачал головой:

– Возражений нет. А куда именно вы собираетесь их вести?

– Да какая разница? Я найду куда, главное – чтобы они пошли.

– Не согласен, – заупрямился Герман. – Пойти на прочесывание Первых гор в поисках Галилея, например – это одно, а пойти штурмовать Долину – совсем другое.

– Да зачем мне штурмовать Долину, балда? – возмутился Тимофей. – Не говоря уж о том, что я понятия не имею, где она находится.

– Но она ведь вам мешает, – прищурился Герман, постепенно включаясь в спор.

– Ну да, мешает, – пожал плечами Тимофей. – Но об этом – чуть позже. Кстати, есть еще один выигрыш: я вполне по-идиотски повел себя тогда, когда Стас собрался увозить людей. Армию пообещал собрать...

Его даже передернуло при воспоминании о том, как неосторожно он выступил в тогдашнем запале.

– Но! – и Тимофей снова торжественно воздел палец. – Зато теперь Стас считает меня глупее, чем я есть. А это всегда выигрыш. Согласен?

– Конечно, согласен, – с затаенной усмешкой подтвердил эктор.

Тимофей с подозрением посмотрел на него, решил, что ему показалось, и продолжал:

– Теперь о том, что мне нужно. А нужны мне инструменты, которыми можно влиять на людей. И на тех, кто на Равнине, и на тех, кто в Долине. И еще мне нужно, чтобы о наличии

у меня этих инструментов знали все. Этого будет вполне достаточно. Тогда все будет спокойно, не будет никаких волн дестабилизации – и, соответственно, никаких смертей.

– Вы хотите сказать, что вам нужен только покой? – серьезно спросил Герман, но глаза его как-то очень уж лукаво поблескивали.

Тимофей метнул на него сердитый взгляд и рявкнул:

– Нет, это им нужен только покой! Поэтому они за мной и пойдут.

Эктор смиренно кивнул.

– И теперь самое интересное: что мне нужно сделать. Первое: мне нужно встретиться с Галилеем.

Герман с сомнением покачал головой:

– Его четыреста лет искали – и не нашли. И сейчас бы не нашли, если бы он сам не захотел. А сам он захотел только потому, что Стас – его потомок. Разве не так?

– Заметь, это только твое предположение, – вкрадчиво ухмыльнулся Тимофей. – Но даже если это и так – нужно сделать, чтобы он по какой-то причине захотел встретиться со мной. Тогда я смогу получить от него что-нибудь более весомое, чем его карты. Ты ведь знаешь, сколько человек за три года ими воспользовались? То-то! Всего шестеро. И что толку ими обладать?

– Точнее, если он захочет с вами встретиться, вы попытаетесь от него получить что-нибудь более весомое.

– Господи, если бы я знал, что ты будешь такой нудный... – тяжело вздохнул Тимофей.

– Извините, – скромно потупился эктор. – А что второе?

– А второе – мне нужно создать инструмент влияния на здешнее ленивое и нелюбопытное население. Ну, то есть помимо того, – и он выразительно посмотрел на Германа, – что я получу от Галилея.

– Я так понимаю, у вас уже есть план?

– Есть. Я создам религию, – со скромной улыбкой провозгласил Тимофей.

– Чего-о? – поперхнулся Герман.

Вот-вот. Тот, земной Герман тоже был именно таким: корректен до невозможности, вежлив до отвращения – а потом как выдаст...

– Точнее – культ Галилея, – недовольно добавил Тимофей. – Пусть все будет так, как он задумал.

– А вы уверены, что он задумал именно так? – недоверчиво переспросил эктор.

– Да что такое с тобой сегодня?! Я говорю – в этом будет основное содержание религии! Для населения это – отсутствие смертей, а для Галилея – убедительный реверанс. Как тебе?

– А как Галилей об этом реверансе узнает?

– Господи ты боже мой! Неужели ты думаешь, что он не умеет видеть Другую Землю?! Как бы иначе он узнал, что Стас – его потомок, что его ищет именно Стас – ну, и так далее... Так как тебе?

– На первый взгляд – вроде бы здорово, – замялся Герман. – Но я плохо представляю себе, как можно просто взять и придумать религию – а потом еще и заставить кого-то в нее поверить...

– Не твоя забота, – отмахнулся Тимофей. – Ты у нас по природе скептичен, тебе про религию все равно ничего не понять. Ты логику конструкции оцени!

– Оценил, – без особого энтузиазма согласился эктор. – Буду внимательно наблюдать за тем, что из этого выйдет.

– Ты свободен, – холодно произнес Тимофей, подходя к камину и помешивая кованой кочергой совсем уже потемневшие угли.

Герман почтительно поклонился и вышел.

Тимофей выждал, пока в коридоре затихли шаги, и тоже вышел.

Все последние три года, входя в свою мастерскую, он испытывал тонкое злорадство при мысли о тех своих коллегах-инженерах, которые переселились в Долину без своих лабораторий, мастерских, приборов, инструментов, самовозобновляющихся материалов и всего остального, без чего увлеченному техникой человеку вообще не жизнь. То же злорадство и сейчас добавило смака привычным действиям: он придирчиво отбирал нужные инструменты, бережно копался в кусках различных металлов в надежде найти именно то, что требовалось для воплощения его идеи, ласково раскладывал все это на огромном верстаке...

Когда все было подготовлено, он, с трудом сдерживая нетерпение, взялся за работу.

Через три часа он убрал последний инструмент на место и полюбовался тем, что получилось. Потом вынул из специальной коробки целый пучок разноцветных лоскутков бархата, шелка, сукна и долго, тщательно выбирал из них самый подходящий. Минут двадцать он полировал свое изделие, а затем торжественно уложил его в заранее приготовленную шкатулку на пышную фиолетовую бархатную подушечку.

Потом он уже без всякого пиетета запихнул шкатулку в карман мятых штанов и, еще раз оглядев мастерскую, двинулся к выходу из дома.

В большом вестибюле прихожей он велел экторам запрячь в самую маленькую из своих повозок смирную вороную кобылу и пресек все их попытки сопровождать своего господина.

Незаметно возникший в вестибюле Герман, наблюдая все эти приготовления, позволил себе заметить:

– Может, стоит послать следом за вами хотя бы пару человек? Капитан беснуется...

– Я сказал: нет! – отрезал Тимофей и подошел к огромному зеркалу.

Очень внимательно изучив все, что в этом зеркале отражалось, он задумчиво хмыкнул.

– Щетку для волос! – скомандовал он и снял свою неизменную мятую полотняную тюбетейку.

Щетка была немедленно доставлена, и он аккуратно расчесался. Снова посмотрел в зеркало, недовольно поморщился и слегка растрепал пальцами светло-русые не слишком густые волосы.

Потом он вытащил из кармана шкатулку, достал оттуда кулон сантиметров десяти в диаметре на длинной простой цепочке и осторожно, стараясь не растрепать только что созданную прическу, повесил этот кулон себе на шею.

Стоявшие вокруг экторы восхищенно уставились на сиявший бронзовый знак на груди своего хозяина. В центре знака красовалось стилизованное солнце, вокруг которого хитрым образом крепились три тонких концентрических круга. На каждом из кругов располагалось по одному шарiku разных оттенков бронзы – от желтовато-коричневого на самом маленьком круге до светло-золотистого на самом большом.

Тимофей сделал несколько шагов назад и окинул взглядом всего себя в целом. Еще немного подумал и сбросил мягкие кожаные мокасины. Снова оглядел себя, удовлетворенно кивнул и вышел.

...Сначала он заехал к семейству дричей, которое на протяжении многих лет снабжало его самыми разными продуктами из своих сельскохозяйственных угодий. Наверное, их отношения можно было бы даже назвать приятельскими – хотя Тимофей подозревал, что только с его стороны. Оба дрича, скорее всего, были жертвами здешних мифов насчет того, что любой приор по самой своей сущности – враг всем остальным обитателям Равнины и всей Другой Земли.

Спору нет, большинство приоров на протяжении веков давало для такой уверенности много оснований, и само по себе это очень злило Тимофея. Что и говорить, среди настоящих приоров не так уж много умных людей, потому и приходится им выдумывать себе какие-то несуществующие преимущества по сравнению со всеми прочими. Ну, или обеспечивать свое

превосходство за счет грубой физической силы – как, скажем, Капитан или совсем уж одиозный придурок Матвей с его медвежьим телом.

Сам-то Тимофей предпочитал преимущества интеллектуальные. Беда была в том, что благодаря самовлюбленным тупым приорам он тоже давным-давно стал почти пугалом для дричей, итеров и морталов. Именно это он сейчас и собирался изменить.

Когда Тимофей, въехав на просторный и очень ухоженный двор, слез с повозки, ему навстречу из нарядного чистенького домика вышла здешняя хозяйка Ульяна Петровна – загорелая чистокровная казачка, фигура которой напоминала сильно приплюснутые сверху песочные часы. При всей своей пышногрудости и крутобедрости двигалась она удивительно грациозно, и Тимофей привычно залюбовался тем, как она на секунду застыла в дверях, потом сделала шаг ему навстречу и остановилась, обвив крепкой рукой подпиравший навес узорный столбик.

– Привет, казачка! – широко улыбнулся Тимофей, отметив про себя, как заинтересованно уставилась Ульяна Петровна на бронзовый знак на его груди. Он сделал вид, что не заметил ее любопытства, и поднялся на крыльцо, поравнявшись с нею. – Хозяин в доме или работает?

– В доме, но работает, – вкусным низким голосом произнесла Ульяна Петровна и посторонилась, пропуская гостя. – Творог снимает. Творожку-то возьмешь сегодня? Хороший получился, гладкий, как ты любишь.

– А как же, – с удовольствием согласился Тимофей. – Обязательно возьму. Я сегодня много чего возьму. Если вы дадите, конечно.

– Антон! – басисто закричала Ульяна Петровна. – Руки вытирай и встречай гостей.

Хозяин появился в конце коридора с полотенцем в руках и голым торсом. Он был коренаст, широк, и на его мускулистом теле тугой пивной животик выглядел совершенно инородным телом.

Тимофей удовлетворенно заметил, что его нагрудный знак снова не прошел незамеченным: в кухню его Антон проводил, не сводя глаз с бронзовых кругов, загадочно переливавшихся на льняной рубахе.

Тимофей вошел на кухню и огляделся. Один стол полностью скрывался под прямоугольными лотками с уже отжатым лоснившимся творогом, на других столах стояло множество каких-то кухонных приспособлений, мисок, кастрюль и всего прочего, чему трудолюбивые хозяева явно находили постоянное применение.

Ульяна Петровна, не торопясь, расчистила один из столов и укрыла его чистой скатертью, тут же почти скрывшейся под всевозможными чашками, блюдецками, баночками и тарелками с угощением.

– Какой чай пьем сегодня? Как всегда или торжественный? – уточнила она, распахнув один из шкафов.

– Давай торжественный, – объявил Тимофей, улыбаясь.

– Есть повод? – с невинным видом осведомился Антон, уже спрятавший свой животик под клетчатой рубашкой.

Тимофей, упорно не замечая повышенного интереса хозяев к своему необычному украшению, удивился:

– А разве нет?

Дричи недоуменно переглянулись и хором пожали плечами.

– Вы забыли... – укоризненно протянул Тимофей. – Никто уже не обращает внимания...

– На что? – уставилась на него любопытными карими глазами Ульяна Петровна. – Ну говори, не томи!

– Нет уж, – скорбно сказал Тимофей. – Я просто приглашу вас к себе на завтрашний ужин, там и поговорим. Придете?

– Это для ужина тебе много продуктов понадобилось? – догадалась хозяйка. – И сколько гостей будет?

– А сколько вы обойдете и пригласите – столько и будет. Хоть вся Равнина, – заявил Тимофей. – Буду вам очень признателен.

Дричи снова переглянулись – на этот раз слегка настороженно.

– А что там будет? – осторожно полюбопытствовал Антон.

– Как что? Ужин, я же сказал, – спокойно ответил Тимофей, по очереди пристально посмотрел на обоих и усмехнулся: – А чего вы так испугались? Можно подумать, я когда-нибудь хоть кого-то пальцем тронул.

– Нет-нет, мы знаем, ты никогда никого не бил, – поспешно согласился Антон, увидев, что ноздри его строптивой казачки начали раздуваться, – просто все это как-то неожиданно...

– Поверьте, это будет просто праздничный ужин. Ничего больше не спрашивайте, – загадочно улыбнулся Тимофей. – Все завтра.

Он допил чай – тот действительно был праздничным, с плававшими в нем цветами фиалки и кусочками кизила – и встал:

– Так вы пригласите всех остальных дричей от моего имени? Итеров пригласит Нора. Я сейчас к ней тоже съезжу.

Антон аккуратно спросил:

– А новую морталку нужно звать?

– А кто у нас новая морталка? – небрежно поинтересовался Тимофей, аккуратно поправляя и без того ровно висевший знак на груди.

– Как же ты не знаешь-то? – удивилась Ульяна Петровна. – Наша Асенька, бедняга. Помнишь, та, что вино и сыр делает? Она уже полгода как без инфинита ходит.

Тимофей мысленно казнил своих ленивых и нелюбопытных экторов, так и не удосужившихся за полгода сообщить ему о таком знаменательном событии, и душевно поблагодарил хозяев:

– Спасибо, мои дорогие. Ульяна Петровна, чай был, как всегда, непревзойденный, – и он галантно припал к загорелой крепкой руке казаки. – Сейчас мы с тобой пройдем по твоим кладовым, и ты мне дашь то, что не жалко, да? Творожок и в самом деле знатный, ты права. Хотя, наверное, лучше я сам ничего забирать не буду: мне же еще ездить и ездить... Можно, я своих экторов вечером пришлю?

Только прощаясь, он все так же небрежно вернулся к разговору о морталке Асе:

– Вы не трудитесь, к Асе я сам съезжу. Мои бессовестные экторы все это время ездили к ней за вином и сыром, представляете? То ли они вообще на нее не смотрели, то ли мне почему-то не сказали... Надо будет извиниться. Да и сыр с вином завтра нам очень даже понадобится, правда?

Когда Тимофей тронул с места повозку, он кипел от ярости. В то, что экторы могли не заметить исчезновение инфинита с виска его главной поставщицы вина и хороших сыров, он не верил ни секунды. И почему тогда промолчали? Сочли неважным?

Вряд ли. Если уж на Равнине не осталось ни одного прежнего мортала, то появление кого-то новенького не может быть неважным. Даже эти остолопы не могут этого не понимать. Тогда почему? Боялись за нее? Если так, то они и Герману ничего не сказали – иначе тот бы не промолчал.

Или промолчал бы?

Да нет, снова вряд ли. Все-таки он эктор, а не парцел: откуда у него свои желания? Впрочем, ладно. Какая, в конце концов, разница?!

Теперь ему предстояло заехать к Норе: пусть тоже покатается по Равнине, развозя приглашения к нему на ужин. Конечно, было бы лучше самому объехать всех, кто здесь остался,

и смиренно позвать их к себе в гости, но... Лень. Просто до невозможности лень. Да и перебирать со смирением не надо – потом не наверстаешь.

Дом Норы отчетливо напоминал о начале двадцатого века; правда, изысканный русский модерн был очень уж претенциозным. При взгляде на изобилие эркеров, балкончиков и прочих архитектурных завитушек сразу хотелось увидеть рядом с парадным входом стаю старинных автомобилей, выпархивающих из них девиц с густо накрашенными глазами и яркими лентами на волосах, и их томных, поэтически озабоченных спутников.

Внутри дом был в точности таким, как можно было предположить по его внешнему виду, – как, впрочем, и его хозяйка.

Нора выглядела как изящная фарфоровая статуэтка с безупречной фигурой, немного капризным лицом и крупным чувственным ртом. Правда, при более внимательном взгляде легко было понять, что статуэтка далеко не так молода, как ей хотелось бы думать: об этом предательски заявляли и обвисшая на шее кожа, и кружево морщинок вокруг глаз, и слегка поредевшие брови.

Как Тимофей и предполагал, она приняла его, лежа на заваленной шарфами и подушками кушетке, с длинным мундштуком в руке и усталым выражением лица. Внутренне он поморщился от вычурности предложенной ему картины, но любезно поздоровался и уселся на бордовый пуфик.

Нора не была столь деликатна, как давешние дричи, и с места в карьер спросила:

– О, Тимофей, а где же твоя обычная тюбетейка? И что это за прелесть у тебя на груди? – и она бесцеремонно потянулась рукой к его бронзовому знаку.

Тимофей осторожно отстранился и сделал строгое выражение лица:

– Не все можно трогать руками, Нора. Есть священные вещи.

Нора широко раскрыла глаза от любопытства:

– Священные? Тогда я хочу знать...

– Сейчас не время, – сурово возразил Тимофей, поддерживая интригу.

Нора надула губы, став похожей на дряхлого ребенка, и капризно протянула:

– Тогда зачем ты пришел?

Странно... Она совсем не боится или надеется его соблазнить, как уже пыталась много лет назад? Ладно, дурочке можно и простить такую фамильярность.

– У меня к тебе просьба, Нора, – стараясь говорить как можно таинственнее, произнес Тимофей. – Я хочу, чтобы ты собрала итеров завтра ко мне на ужин. Всех, кто захочет с тобой говорить.

Вот теперь можно не сомневаться, что она объедет всех, кого знает, и даже тех, с кем никогда и словом не перемолвилась. Но все-таки именно в этот момент в ее продолжавших изумленно таращиться глазах мелькнул страх. Что поделаешь, дурочка – она и есть дурочка...

Нора справились с собой и вернулась к своему привычному кокетливо-томному тону:

– А что за повод? Ты же никогда к себе гостей не зовешь, я-то знаю...

Он загадочно улыбнулся и прошептал:

– Завтра ты все узнаешь, обещаю...

– А свою висюльку ты мне завтра дашь потрогать?

Тимофей сурово сдвинул брови:

– Это не висюлька. Не говори о том, чего не понимаешь, Нора. Я жду всех вас завтра ближе к вечеру. Отдыхай пока.

Ему оставалось лишь навестить новоиспеченную морталку и убедить ее в том, что он нынче совершенно безопасен, миролюбив и даже дружелюбен.

Он попытался вспомнить, как выглядит эта Ася, но не смог. В самом деле, он же не сам договаривался с ней о покупке ее вина и сыра: это сделали его экторы, как только стало известно, что на Равнине появился кто-то с такими изысканно-полезными пристрастиями.

Конечно, Тимофей появился на Другой Земле во времена, когда на своей родной Земле он никак не успел бы привыкнуть к дорогим французским сырам и настоящему сотерну: на дворе стояли не слишком сытые семидесятые. Уму непостижимо, как ему удалось намечтать себе погреб с запасами, в котором такие сыры и вина все-таки имелись. Видимо, сказалась любовь к чтению: слова «камамбер», «хамон», «арманьяк» и прочие в том же роде еще с детства намертво засели у него в памяти. Поэтому, когда выяснилось, что прямо здесь кто-то ухитряется производить вина и сыры ничуть не хуже, он был весьма доволен.

Между прочим, хотелось бы знать, навещали ли Асю за эти полгода Капитан или Матвей? Досадно все же, что все это время он сам пребывал в неведении: можно было бы интересную комбинацию разыграть...

Увидев у дома Аси чью-то лошадь, Тимофей побоялся даже поверить в свою удачу: если это лошадь Капитана, то у него, Тимофея, появляется возможность выступить в роли героя-спасителя. Если, конечно, это не Матвей, напрямую сталкиваясь с которым не очень-то хотелось.

Он осадил лошадь, быстро спрыгнул с повозки и метнулся к дому. Быстро, стараясь не шуметь, пошел по коридору в сторону хриплого мужского голоса, раздававшегося из глубины дома. Теперь можно было уже радоваться в полную силу: это действительно был голос Капитана.

Тимофей подкрался к двери, из-за которой доносились обычные обещания Капитана вывернуть мехом внутрь, намотать на гребной винт и заставить гнить на железе.

Забавно: если бы Капитан и правда был капитаном или хотя бы так уж сильно любил море – куда бы он делся с Земли?! А если бы и делся, то наверняка на Другой Земле оказался бы где-нибудь рядом с морем.

Тимофей медлил, потому что хотел из угроз понять, какой именно особой способностью обладает новоявленная моргалка. Ждал он не напрасно: после серии псевдофлотских ругательств Капитан – видимо, решивший, что почва уже достаточно подготовлена, – озаботился тем, чтобы все-таки поставить задачу.

– Я понял, Галилея ты не видишь! Но ты же можешь итальянца поискать или кого-нибудь еще в этом роде?!

Отлично! Судьбе сегодня явно делать нечего: то зеро, то джекпот... Ася, оказывается, видит Другую Землю. В нынешней ситуации лучшего и желать было невозможно. А Капитан-то, похоже, вообще ничего про Галилея не знает – иначе сформулировал бы как-нибудь иначе. Ай эрудит, ай умница...

– А кто будет в том же роде, что и итальянец? – раздался из-за двери тихий, но все равно ироничный женский голос.

Браво, детка. Если ты умеешь кусаться – тем интереснее.

– Ты совсем свихнулась?! Издеваешься, что ли? Ты вообще понимаешь, с кем говоришь? – и из комнаты донесся звук мощного удара кулаком по столу.

Тимофей спокойно вошел в комнату и невозмутимо поинтересовался:

– А с кем она говорит?

В центре комнаты перед большим овальным столом стоял распаливший сам себя до смертельной бледности Капитан, а у окна, на максимально возможном удалении от него, прижмалась к стене белокожая шатенка лет тридцати с огромными серыми глазами и совершенно детским припухшим ртом. Судя по ее лицу, она устала больше, чем была напугана. А еще по ее лицу можно было понять, почему Капитан бьет именно по столу: скорее всего, даже он с его матросской грубостью не рискнул бы испортить такое личико...

– Пошел к черту! – рявкнул Капитан, поворачиваясь на голос. – Тебе что здесь надо? Место занято!

– Мадемуазель, вы тоже против моего присутствия? – со светской любезностью обратился Тимофей к Асе.

Та не выдержала и тихо прыснула, потом приняла серьезный вид и проговорила:

– Разумеется, нет. Вы пришли как раз вовремя: мой гость уже уходит.

– Слышишь, дорогой? Ты уже уходишь, – вежливо сообщил Тимофей, глядя на Капитана в упор.

Тот процедил сквозь зубы:

– Как же ты меня достал... Что ты суешься?

– Я что, не могу навестить своего постоянного контрагента? – изумился Тимофей, зло-радно ожидая, как справится Капитан с «контрагентом».

– Она – мой агент! – взревел Капитан.

– Я сказал: контрагент, – хладнокровно уточнил Тимофей. – Выговорить не получается?

Да уж, если в изначальные планы не входило прямое столкновение – а оно туда точно не входило, – то говорить этого, наверное, не стоило: Капитан кашлянул и не спеша двинулся к Тимофею.

– Ты, похоже, не помнишь, но у нас был уговор, – угрожающе тихо заговорил он. – Чья задница первая, того и стул. Другим не соваться. Ты полгода рылом не вел, а теперь вдруг зашевелился?

– Причем здесь уговор? – пожал плечами Тимофей. – У меня с Асей дела. Я ем ее сыр и пью ее вино. И то, и другое, кстати, выше всяких похвал, – и он отвесил учтивый поклон в сторону серых глаз, заинтересованно наблюдавших за развитием ситуации.

Капитан остановился в опасной близости от Тимофея.

– И что с того?

– А то, что у меня завтра ужин для широкой общественности. Соответственно, мне потребуется очень много вина и довольно много сыра. Ты против? Если нет, то мне хотелось бы обсудить это с мадемуазель Асей прямо сейчас. Ты ведь, как я слышал, все равно уже уходишь?

Капитан некоторое время еще угрожающе тяжело подышал, потом наставил на Тимофея указательный палец и сурово сказал:

– Помни уговор. Слышишь?

– Тебя трудно не услышать, – чуть поклонился Тимофей, скрывая облегчение, и проводил взглядом выходящего из комнаты Капитана.

Они вместе с Асей в полном молчании дослушали удаляющийся звук шагов по коридору, завершившийся яростным хлопаньем двери. Потом Тимофей повернулся к ней.

– Добрый день, мадемуазель. Теперь – уже на самом деле добрый. Я – Тимофей, и я на самом деле восхищаюсь вашими сырами. И никак не могу понять, как вам удалось меньше, чем за полтора года, наладить производство столь роскошного сотерна. Раньше мне казалось, что на это требуется куда больше времени.

Настороженный взгляд серых глаз.

– Вы – тот Тимофей, о котором я слышала?

Судя по интонации, ничего хорошего она не слышала. Придется идти ва-банк.

– Я догадываюсь, что именно вы слышали. Но вы понятия не имеете, что из этого правда. Вы здесь, будем говорить честно, совсем недолго. И вы, насколько я знаю, совсем не отличаетесь общительностью, – Тимофей говорил жестко и отрывисто, зная, что чаще всего это производит на женщин впечатление выворачивания души наизнанку. – Значит, вам известны только самые примитивные и расхожие здешние мифы. Вы считаете, что каждый приор – изначально сволочь, агрессор и главная причина всех местных несчастий. Поскольку вы знаете, что я – приор, то уверены, что и я – точно такая же сволочь, как и все остальные. Я даже не буду вас разубеждать. Захотите – сами потом разберетесь.

Ася спохватилась:

– Хотите, я сварю вам кофе? Или вы любите чай?

– Я люблю и то, и другое. Но варить ничего не надо.

– Тогда, может, вы хотя бы присядете? – смущенно предложила Ася.

– Только после вас, – галантно поклонился Тимофей и придвинул ей стул.

Ася присела на самый краешек – как он понял, вовсе не от общей стеснительности, а от непонимания того, как ей себя сейчас вести.

– Вы действительно всего лишь хотите взять у меня сыров и вина для вашего ужина? – спросила она, рисуя пальцем узоры на грубом беленом столе в прованском стиле.

– Обязательно. Но за всем этим могли бы приехать и мои экторы. А я приехал еще и для того, чтобы пригласить вас саму на этот ужин.

Она вскинула свои недоверчивые серые озера на Тимофея.

– Вы это решили еще до того, как увидели... этого человека здесь?

– А он-то здесь причем? – изумился Тимофей. – Если бы я не собирался вас приглашать, как бы я вообще здесь оказался?

Почему-то эти слова Асю успокоили: она заметно расслабилась и даже перестала то и дело отводить глаза, чему Тимофей был рад.

– А зачем вы хотите пригласить меня? – с некоторым даже вызовом поинтересовалась она.

Расхрабрилась девочка. Это хорошо.

– Вообще-то затем же, зачем и всех остальных: я просто хочу устроить праздник. Кстати, чтобы вы не волновались: я приглашаю почти всех здешних жителей. Ну, кроме, конечно, Капитана и еще парочки таких же.

– И по какому поводу будет праздник?

– Это вы узнаете, если придете, – хитро улыбнулся Тимофей. – Но когда я здесь оказался, выяснилось, что у меня есть еще одно дело. И его я предпочел бы обсудить сегодня, а не завтра на празднике.

Ася снова напряглась.

– Если вы про... про Капитана, то я сама с этим разберусь. Мне совсем не трудно сделать то, о чем он просит.

– Просит? Это вы называете – просит?! – поморщился Тимофей. – Не надо рассказывать мне сказки, Ася. Я живу здесь уже почти пятьдесят лет и слишком хорошо знаю, о чем и как приор может просить мортала. И знаю, чем это иногда заканчивается.

– Он меня не бьет! – вскинулась она и внезапно залилась несчастным багровым румянцем от кончиков ушей до высокой стойки воротничка нежно-желтой блузки.

Тимофей внимательно посмотрел на нее и вдруг догадался.

– Так, стоп. Он вас не бьет, но... Я правильно понял? Иногда он с вами спит?

– Нет, что вы! – замотала головой Ася, морщась от отвращения. – Он хочет, но я не соглашаюсь...

Вот же скотина! Вроде бы раньше за Капитаном такого не замечалось. Все знали, что он регулярно ездит к одной симпатичной молодой девице из итеров. У той было достаточно экторов, которые могли бы не пустить даже такого драчливого хама к своей хозяйке, если бы она не захотела его принимать. А поскольку ни про что такое слышно никогда не было – значит, их хозяйка была совсем не против. Может, кормилась с приорского стола, а может, Капитан ее вполне устраивал в роли любовника. Что же на него сейчас-то нашло?!

С другой стороны, это ведь можно считать подарком судьбы. Капитан, конечно, все равно скотина, но сейчас он, сам того наверняка не желая, очень помог. Что ж, придется воспользоваться помощью конкурента.

И Тимофей решительно заговорил:

– Значит, так, Ася. Сейчас мы с вами поедem ко мне домой. Не волнуйтесь, – поспешно сказал он, успокаивающе поднимая ладонь, – у меня есть отдельный домик с надежными замками. Вы там переночуете и решите, что мы с вами будем делать дальше. Если вы захотите, то останетесь у меня и будете ездить к своим виноградникам и живности под охраной моих экторов и так часто, как вам будет нужно. А если вас этот вариант не устроит, я просто велю нескольким своим экторам вас охранять. Я построю им домик рядом с вашим, и они будут здесь жить.

Ася, притихшая под его напором, жалобно спросила:

– А сейчас-то зачем к вам ехать?

– А вы уверены, что Капитан не вернется после моего ухода? – возразил Тимофей. – Я хочу, чтобы с этого момента вы не оставались в этом доме одна.

Он встал и протянул ей руку:

– Пойдемте. Или предпочитаете все-таки подождать, пока он вернется?

Ася неуверенно огляделась:

– Вообще-то мне надо собраться...

– Хорошо, я буду ждать вас в повозке, – и он, слегка поклонившись, вышел.

...Тимофей, разумеется, сделал все возможное, чтобы поездка получилась как можно более долгой: все, что он хотел узнать, лучше было выяснить по дороге. Когда они приедут, Ася, скорее всего, тут же укроется в своем отдельном домике – а уж там у нее будет время собраться с мыслями и надеть нужную маску. Поэтому к воротам его сумрачного замка они подъехали только через час.

Истосковавшиеся без хозяина экторы засуетились вокруг повозки, стараясь услужить неожиданной гостье. Тимофей отозвал в сторону Германа и отдал все необходимые распоряжения по поводу размещения Аси и организации завтрашнего ужина. Идее ужина Герман сильно удивился, но можно было не сомневаться: все будет сделано как надо.

Увидев, что экторы собираются распрячь уставшую кобылу, Тимофей сердито прикрикнул на них:

– Повозку не трогать!

– Ты еще куда-то собираешься? – еще больше удивился Герман.

– Если ты не возражаешь, – ядовито откликнулся Тимофей.

Герман внимательно посмотрел на него и тихо спросил:

– Что-то не так? Я ведь вижу.

Тимофей оглянулся на Асю, которую целая процессия экторов уже почтительно сопровождала к небольшому гостевому домику. Убедившись, что та ничего не видит, он схватил Германа за рубашку, рванул к себе и прошипел:

– Почему мне никто не сказал, что на Равнине появился новый мортал? Полгода! Ты понимаешь, полгода – а я ничего не знаю! Как так?

Он отпустил воротник эктора, зло ткнул того кулаком в плечо и демонстративно вытер ладонь об штаны.

Герман перенес выговор со стоическим молчанием, но, выждав с минуту, все-таки спросил:

– Это все? Потому что мне кажется, что дело не в этом.

– Да плевать мне, что там тебе кажется! – рявкнул Тимофей. – Не твое дело, что со мной. Эктор пожал плечами и рискнул задать еще один вопрос:

– Ты сейчас далеко поедешь? Империя устала, – и он кивнул головой на опустившую голову кобылу. – Если далеко – может, сменить лошадь?

Все так же раздраженно Тимофей огрызнулся:

– К Первым горам – это далеко? Если далеко – меняй лошадь, только побыстрее.

Пока Герман отдавал соответствующие указания, а перепуганные гневом хозяина экторы метались на конюшню и обратно, Тимофей нетерпеливо мерил шагами двор. Герман искоса поглядывал на него, всем своим видом демонстрируя неудовлетворенное любопытство, но спросить больше ни о чем не решался.

Когда повозка была наконец готова к старту, Тимофей, больше ничего не говоря, вскочил на сиденье и хлестнул по хребту молодого светлогривого жеребца. Тот испуганно рванул с места, и повозка скрылась из виду.

...Вернулся Тимофей только поздно ночью. Как было заведено, все экторы бодрствовали в ожидании его появления. Только Герман, сидевший в кресле напротив входной двери, время от времени задремывал, но ему такие вольности обычно сходили с рук.

Когда хозяин – запыленный, уставший и очень возбужденный – вошел в вестибюль, часть экторов неслышными тенями метнулась наружу, чтобы обиходить вторую за день лошадь, а оставшиеся замерли в ожидании распоряжений.

– Я в мастерскую, – бросил Тимофей, с размаху вбивая ступни в ожидавшие его вращения мокасины. – Мне большую чашку очень крепкого кофе сейчас, потом еще одну – через два часа. В девять принесете в мастерскую завтрак, в час – обед. Внутри не заходить. Открываете дверь, беззвучно ставите поднос... Слышите? Без-звуч-но! Ставите поднос и молча уходите. Если я не выйду до пяти вечера, Герман заходит ко мне и напоминает о времени. И чтобы я больше никого не видел!

Он быстро зашагал в сторону своей мастерской, прижимая к себе какой-то сверток, обмотанный грязным тряпьем.

...К семи часам начали собираться гости. Тимофей, одетый по вчерашнему образцу, босой и с бронзовым знаком на груди, любезно встречал каждого у входа.

Кто-то приходил один, другие появлялись небольшими группками – то ли для пущей безопасности, то ли от смущения. С каждым гостем Тимофей обменивался несколькими неприужденно-любезными словами и провожал его в роскошную парадную гостиную, где пришедшие один за одним замирали перед укрепленным над камином бронзовым знаком – таким же, как у Тимофея на груди, только во много раз больше.

Никто прежде в гостях у Тимофея не бывал. Это вообще было не в обычаях приоров – собирать у себя такие большие компании, так что почти никто из дричей и тем более итеров не мог бы похвастаться тем, что бывал в гостиной у приора. Во дворе – нередко, будучи приращенным экторами; в кладовке, где требовалось оставить привезенные продукты и прочее – тоже частенько, но уж никак не в гостиной. Поэтому сейчас приглашенные с любопытством разглядывали обстановку и манявшие ароматами с обширного стола яства.

Но самое большое внимание привлекал все-таки знак на стене. Равнина привыкла видеть Тимофея в неизменно мятой одежде и полотняной тубетейке; никаких украшений на этом подчеркнуто сибаритском наряде ранее не наблюдалось. И вдруг – нате вам! Сначала он визиты наносит с этим странным знаком – а теперь, оказывается, у него такой же в гостиной висит на самом заметном месте! Посему народ толпился в основном в той части гостиной, откуда лучше всего было видны три круга с солнышком в центре.

Довольно скоро у кого-то родилось робкое предположение, что этот знак очень напоминает центральную часть изображения Солнечной системы. Кто-то даже сумел вспомнить словосочетание «гелиоцентрическая система», однако дальше этого дело не пошло. Приходилось терпеливо ждать, пока Тимофей встретит всех гостей, соизволит появиться в гостиной и, может быть, все вразумительно объяснит.

А Тимофей в это время честно выжидал в вестибюле допустимые пятнадцать минут возможного опоздания гостей. Ему был прекрасно слышен из гостиной взволнованный шум, и он внутренне готовился через несколько минут сделать его еще более взволнованным.

Вошла Ася. Судя по ее виду, вчера она захватила из дому больше, чем было достаточно для произведения на сегодняшнем мероприятии сногшибательного впечатления. Обнаженные плечи, мерцающий атлас настоящего вечернего платья, длинный тонкий шелковый шарф, окутывающий шею и руки... Видимо, ее слабость к французским изыскам не ограничивалась сырами и вином.

Тимофей некоторое время полюбовался эффектным явлением Аси на пороге его дома, подождал, когда она с ним поравняется, и с удовольствием склонился над ее рукой. Выпрямился, предложил ей руку и неторопливо повел к входу в гостиную.

– Простите, Ася, что я совсем не уделил вам внимания сегодня днем. Вы вчера сообщили мне чрезвычайно важную вещь, и в результате у меня возникли такие срочные и долгие дела, что я вынужден был целый день вас не видеть, – Тимофей с удивлением обнаружил, что говорит почти искренне.

– Может быть, тогда мы уже перейдем на «ты»? А то как-то довольно странно получается, – тихо сказала Ася почти ему на ухо.

– Весьма признателен. Пусть будет на «ты». Кстати, я не уверен, что мой безалаберный Герман предупредил, чтобы ты не волновалась за свой дом. Я еще ночью отправил туда одного из своих экторов – и, между прочим, с оружием. Так что Капитан там ни на что не посягнет, – продолжая интимно склоняться к Асе, сообщил Тимофей. – Можешь развлекаться в свое удовольствие и ни о чем не беспокоиться.

Введя Асю в зал, он с удовлетворением отметил враз наступившую напряженную тишину. Он был вовсе не против закончить на этом торжественную встречу прибывающих, но за спиной вновь хлопнула входная дверь. Оглянувшись, он вынужден был приложить немалые усилия, чтобы сохранить на лице спокойно-радушное выражение: в дверях стояла Лилия – как всегда, в чем-то неопределенно-элегантном и ярком. Она все же заметила промельк напряжения на его лице и весело поинтересовалась:

– А что, разве меня не звали? Ну что уж теперь поделаешь, я здесь. Придется тебе смириться, Тимоша.

Едва заметно скривившись в ответ на «Тимошу», он радостно раскинул руки и пошел ей навстречу:

– Да что ты, голубушка?! Я просто и надеяться не мог...

– Интересно, кого же ты только что встречал, если я по инерции голубушкой стала? – любопытно прищурилась Лилия и оперлась на руку Тимофея. – Ладно, хватит упражняться в остроумии. Веди к столу, хозяин.

Появление Лилии в гостиной произвело не меньший эффект, чем приход Аси: с момента переселения всех ее друзей в Долину на людях ее видели очень редко. Предполагалось, что основную часть времени она живет в Долине со Стасом, хотя точно на этот счет никто ничего не знал: последние три года на Равнине было сравнительно тихо, и третьейского вмешательства общепризнанной совести Равнины не требовалось.

Тимофей решил не давать Лилии времени на окончательное овладение вниманием всех присутствующих и провозгласил:

– Прошу наполнить бокалы!

Не слишком привычные к подобной галантерейности дричи и итеры неловко закопошились вокруг стола, разливая напитки и запасаясь закусками.

Когда суэта затихла, Тимофей поднял свой бокал и заявил:

– Сегодня исполняется ровно три года, как на Равнине тихо и спокойно. Я хотел бы, чтобы мы все ценили это спокойствие и хранили его как можно дольше. А еще я хотел бы, чтобы мы все помнили, кому должны быть благодарны за все, что имеем и что рискуем потерять каждый раз, когда своим страхом, злостью или скукой вызываем очередную волну смертей, – он выпил бокал до дна, поставил его на стол и повернулся к висевшему за его спиной бронзовому знаку.

Окружающие затихли, с любопытством наблюдая за тем, как Тимофей, благоговейно глядя на солнышко, медленно воздел руку к нему, затем коснулся лба, а потом груди в районе сердца. Закончив сей ритуал, он вновь повернулся к столу и торжественно поцеловал висевший у него на груди знак.

Через несколько секунд он вроде бы как встрепенулся, смущенно оглядел присутствующих и неловко улыбнулся:

– Простите меня, пожалуйста, вас это ни к чему не обязывает, – и уставился в тарелку.

Первой не выдержала Ульяна Петровна:

– Тимофей, ты в порядке?

Он поднял на нее светлый взгляд:

– Я уже давно в порядке – с тех самых пор, как понял, что происходит и что должно происходить.

Оказалось, что Лилия сидит прямо напротив него, и он мимоходом поймал ее язвительно-восхищенный взгляд. Пауза затягивалась, и Тимофей с внутренним содроганием ждал чьей-нибудь подачи.

Наконец откуда-то с дальнего конца стола донесся чей-то дрожащий от сдерживаемого возбуждения голос:

– А что должно происходить?

Отлично. От этой печки уже вполне можно начинать плясать.

– Вы же все понимаете: в полной мере это может знать только Галилей... Спасибо Стасу, – и он отвесил уважительный поклон в сторону хранившей молчание Лилии, – он доказал, что Галилей жив и по-прежнему охраняет наш покой и благополучие. Важно, чтобы мы ему не мешали.

Он замолчал и начал сосредоточенно жевать. Гости тоже послушно занялись своими тарелками, но было совершенно очевидно, что их терпения хватит ненадолго.

Через несколько минут Тимофей снова предложил наполнить бокалы, и посреди начавшегося общего оживления снова раздался голос. Теперь это была Нора, на которую он с самого начала возлагал большие надежды:

– Тимофей, милый, но мы ведь все всегда это знали, разве не так? Зачем же тогда все это? – и она описала рукой с бокалом большой круг, в который попали оба знака – и тот, что на стене, и тот, что на груди.

– Мы все это знали – и все равно постоянно умирали, потому что не хотели чтить законы нашего мира. Галилей создал эти законы такими, чтобы мы могли быть вечно счастливы. А мы принесли в его мир свои дурные чувства, и начались смерти. Вы ведь по-прежнему боитесь вируса, по-прежнему не хотите делать свою жизнь лучше и интереснее... А на самом деле он, – и Тимофей снова поцеловал свой нагрудный знак, – раз за разом дает нам понять, что мы живем не так. Каждая волна смертей призвана научить нас жить так, как он задумывал. А мы не учимся...

И он скорбно поник головой.

Прагматичный фермер Антон не выдержал:

– Тимофей, я, конечно, уважаю твои чувства, но с чего ты взял, что на Другой Земле вообще есть какие-то законы? Что Галилей что-то специально придумывал, что он как-то нами управляет?

Тимофей прокашлялся, глубоко вздохнул и встал. Он повернулся к знаку на стене, беззвучно пошевелил губами и быстро вышел из гостиной.

Все недоуменно застыли, глядя ему вслед. Потом многие перевели искательные взгляды на Лилию, но она, ни на кого не глядя, перебирала вилкой кусочки овощей у себя в тарелке. Самые смелые начали переговариваться потрясенным шепотом через стол, но в это время Тимофей вернулся, и все снова застыли, выжидая.

Не доходя до стола, он остановился, держа на вытянутой перед собой руке потрескавшуюся и потемневшую шкатулку.

– Смотрите, – негромко произнес он и с величайшей осторожностью поднял крышку шкатулки. – Это – старинный компас. Очень старинный. Его дал мне Галилей, чтобы мы с вами не сбивались с пути, который он для нас начертал. Я встречался с Галилеем сегодня ночью.

Долина

...Еще некоторое время Стас, продолжая надеяться на ненадежность собственных глаз, стоял на смотровой площадке, вцепившись в поручни, потом изо всех сил потряс головой и ссыпался вниз по ступенькам.

Он пронесся по коридору и ворвался в спальню к Зинину, продолжавшему безмятежно почивать после ночных бдений.

– Юрка, вставай! – заорал он, безжалостно сдергивая одеяло с худосочного зининского тела. – Слышишь? Вставай!

Зинин недовольно задрыгал тощими ногами, тщетно пытаясь вернуть одеяло в прежнее положение, и наконец-то чуть приподнял веки.

– Можно не орать? – пробурчал он, осознав безнадежность своей войны за одеяло. – Чего надо-то?

– Залезь наверх – увидишь! В общем, подымайся, я к Буряку, – бросил Стас, вылетая из комнаты.

Только на крыльце он сообразил, что в нынешней ситуации выбегать с пустыми руками – не самое разумное дело, но было уже поздно: первая лохматая куча красовалась прямо перед ним. Стас, спохватившись, захлопнул ногой дверь в дом и застыл.

Вблизи оказалось, что австралопитек (или это был уже какой-то другой прашур?) совсем не так волосат и огромен, как мерещилось сверху: он заканчивался где-то в районе Стасова носа, да и шерсть у него была не слишком густой, не слишком длинной и совсем не всеобъемлющей. Испугавшись появления Стаса, он отпрянул так резко, что сделал кувырок назад по ступенькам крыльца.

Не дожидаясь, пока австралопитек опомнится, Стас гигантскими прыжками помчался через площадь в сторону научной колонии, как в Долине назывались домики говорунов.

По пути ему пришлось дважды шарахаться от братьев (или сестер?) первого встреченного им предка. Впрочем, те, похоже, тоже не слишком жаждали близкого знакомства: оба раза, обернувшись, Стас краем глаза видел, как они улепетывают в сторону леса.

Ему повезло: еще не добежав до дома Буряка, он наткнулся на совершавшего неспешную утреннюю пробежку Василёва. Судя по его флегматичному лицу, обезьяны ему пока под ноги не попадались, и Стас крикнул на бегу:

– Пулей к Зинину – и без вопросов!

Василёв, не издав ни единого звука, повернул и так же лениво потрусил в сторону площади. Стас сердито рявкнул ему вслед:

– Я сказал – пулей!!! И по сторонам смотри!

Тот послушно покрутил головой вправо-влево и заметно ускорился: то ли поверил Стасу на слово, то ли увидел очередную лохматую кучу. Разбираться было некогда: Стас не слишком хорошо помнил, какой именно дом ему нужен, и боялся проскочить мимо.

Хмурый Буряк, непонятно чем разбуженный, уже стоял на пороге своего дома.

– Чего ты горланишь с утра пораньше? – сурово осведомился он, пытаясь почесать у самого себя между лопатками.

Стас немедленно развернулся на сто восемьдесят градусов и побежал обратно к площади, кинув через плечо:

– Бегом!

Спустя несколько секунд за спиной он услышал топот Буряка и побежал еще быстрее.

Уже с площади они оба увидели возвышавшихся на смотровой площадке Зинина с Василёвым. Стас остановился перевести дух, и нагнавший его Буряк, запыхавшийся чуть меньше, спросил:

– Лезем наверх?

Стас, которому почудилось сзади какое-то движение, резко обернулся, никого не увидел и безнадежно махнул рукой:

– Там разберемся.

В коридоре он, чувствуя на своей спине изумленный взгляд Буряка, запер дверь на все замки (помнится, в первый свой визит в матушевский дом он удивлялся, зачем здесь вообще нужны замки...) и заторопился в кабинет. После короткого парного топота по ступенькам с другой стороны коридора в дом ворвались Зинин с Василёвым, и Буряк поразился еще пуще:

– Чего вы все носитесь, как от фашистов?!

Не отвечая, Стас впихнул его в кабинет и остановился в дверях, поджидая двух других.

Зинин начал еще в коридоре:

– Это что такое..?

Стас втолкнул в комнату и его, вошел сам и без сил сполз по стене на пол, оттягивая начало объяснений.

– Ну так? – грозно спросил Зинин.

– Да подожди ты, – жалобно сказал Стас. – Я же не чемпион мира по бегу. Отдышаться надо.

– Потом отдышишься. Рассказывай, пока мы тебя не убили, – вступил Буряк.

Стас тяжело вздохнул и заговорил:

– Короче, это матушевские австралопитеки.

– Ты ж говорил, что они все погибли три года назад?! – изумился Буряк, а Зинин въедливым тоном уточнил:

– Это вообще не австралопитеки. Насколько я понимаю, это питекантропы. Они поближе к нам были.

– Да какая, черт тебя дери, разница?! – огрызнулся Стас. – Те действительно погибли. А сегодня появились эти.

Василёв прищурился:

– Сами появились? Или все это ты устроил?

– Вот верите, мужики: сам не понимаю, – честно сказал Стас.

– Ты же вроде научился как-то со своими мечтами обходиться? – подозрительно уставился на него Зинин. – Или врал?

Рассудительный Василёв поправил скептического историка:

– Он не врал. Он же сделал то, что здесь нужно было – значит, научился.

– Получается, они появились сами, – резюмировал Буряк.

Стас виновато оглядел всех троих, помялся и признался:

– Может, это и вправду я. Я вчера... В общем, я тут дважды общался с одним человеком... Он знал Матушева и знал про его эксперимент. Мы вчера как раз про это говорили, и я сказал: страшно жалко, что все погибли.

– Просто сказал и все? – недоверчиво поинтересовался Зинин.

– Ну не просто сказал... Я как-то очень уж возбудился по этому поводу, так что, наверное, говорил очень страстно, – нехотя ответил Стас.

– Погодите, я не понял: а с каким это человеком, который знал Матушева, ты говорил? Он его еще на Земле знал, что ли? – встрял Буряк.

Стас взмолился:

– Ребята, я вам обязательно все расскажу, правда! Только давайте не сейчас. Сейчас нам надо придумать, что делать...

– А что делать? Помнится, питекантропы людоедами не были. Да и мелковаты они, чтобы так уж сильно их бояться, – возразил Зинин. – Они же не саблезубые тигры все-таки...

– Ты не понимаешь, – и Стас с отчаянием стукнул кулаком в пол. – Матушев, похоже, просто воспроизвел здесь кусок древней Земли. Наверняка он хотел, чтобы условия эксперимента были максимально приближены к реальным. Значит, теперь в лесу наверняка есть какие-нибудь хищники.

Буряк тут же подобрался и недобро блеснул глазами:

– Так ведь то Матушев... А теперь-то у нас тут твой эксперимент. Или я чего-то не понял?

– Да я ничего своего вчера вроде бы не придумывал... Я просто очень жалел, что Матушеву не удалось довести до конца свой эксперимент.

Вдруг Зинин встрепнулся:

– погоди, ты ведь в прошлый раз рассказывал, что те обезьяны были очень лохматыми? По твоим словам они действительно были похожи на австралопитеков. И Матушев был все-таки не лингвистом, а палеонтологом. При этом питекантропы, по мнению большинства ученых – это как раз тот вид, который мог начать разговаривать. Тогда, выходит, в условиях эксперимента что-то изменилось? Теперь все так, как нужно Стасу, а не так, как было нужно Матушеву?

– И что это нам дает? – с горечью спросил Стас. – Одновременно с питекантропами уже не жили хищники?

– Нужны ружья, – мрачно констатировал Буряк. – И стена вокруг всего поселения.

– От Матушева осталось ружье. Даже два, – сообщил Зинин. – Одно – со снотворными пулями, одно – с настоящими. Из первого он точно стрелял, а из второго – нет.

– Ружья людям давать нельзя, – возразил давно уже молчавший Василёв. – Во-первых, непонятно, в кого они станут палить. Мы с вами это уже проходили. Во-вторых, зачем зверье убивать или калечить? Построить стену – да, а для защиты вполне достаточно будет и факелов.

– Можно еще шокеров наделать, – задумчиво проговорил Буряк. – Но и пару ружей все-таки иметь надо. Себя мне все-таки немного жалче, чем какого-нибудь древнего медведя, знаешь ли. Или мы теперь в лес ходить не будем?

– Верно, самое главное – это стена, – с облегчением подхватил Стас, радуясь, что все переключилось с обсуждения его неосторожных мечтаний на насущные нужды. – Собираем народ?

Все молча поднялись и двинулись в коридор. Там разделились: Зинин отправился на кухню за металлическими мисками, которые играли роль местного набата – вкупе с молодецким василёвским свистом.

...Народ собрался быстро. Лица у многих были перепуганными: видно, не одному Стасу уже довелось сегодня встретиться лицом к лицу с новыми соседями по Долине. По внешнему периметру толпы встали Василёв со снотворным ружьем, Буряк с обычным и Зинин с факелом. Стас, как всегда, занял давно опостылевшее ему место на крыльце.

– Многие из вас уже знают, что у нас возникли серьезные проблемы, – сердито начал он, предвидя большой шум и поток обвинений. – В лесу появились питекантропы и всякие звери, возможно, даже хищники. Все стало так же, как было здесь до последней волны смертей.

Толпа угрожающе зашумела, и Стас сурово возвысил голос:

– Не будем сейчас говорить, как это случилось, но теперь все сильно изменится. Прежде всего нам нужно обнести поселение надежным частоколом. И работать придется всем! – он добавил в голос металла, услышав недовольные возгласы. – Кто не будет работать, будет выселен за стену. Когда мы ее построим, конечно.

Он сам не слишком хорошо представлял себе, как можно было бы выселить людей из их домов – или, скажем, перенести дома бездельников за стену, – но угроза сработала: народ испуганно затих.

– Господа инженеры, на вас – планирование и организация работ. Остальные берут топоры и рубят ближайшие деревья. У кого топоров нет – таскают к периметру поселения сруб-

ленные стволы. Женщины готовят еду для тех, кто работает, а дети, кто постарше, ее носят. Все остальное – потом. И не забывайте оглядываться по сторонам!

И Стас, сбежав с крыльца и растолкав толпу, пробрался к Буряку. Тот, продолжая настороженно оглядываться, проговорил сквозь зубы:

– Понимаешь, я могу сделать и ружья, и шокеры, но мне нужно смотаться на Равнину в мою мастерскую. Ты не против, если я воспользуюсь самолетом?

– Не поверишь, я догадался, что ты туда полетишь. Хотел попросить тебя привезти сюда Лилию. Ее здравый смысл нам сейчас очень пригодится.

Буряк тут же отвлекся от охранной деятельности и настороженно уставился на Стаса:

– Это благотворительность?

– Иди к черту! – с чувством сказал Стас и ткнул его кулаком в плечо: – Я не хочу сейчас отсюда улетать. Сам знаешь, я и так давно уже непопулярен, а нужно, чтобы здешний народ все-таки хоть кого-то слушался.

– Понятно. Тяжела ты, шапка Мономаха... – съязвил Буряк, не до конца убежденный в искренности Стаса.

– Сегодня вернешься?

– Постараюсь. Сейчас только поговорю с мужиками насчет того, кому что привезти с Равнины, и полечу, – и он торжественно передал Стасу ружье.

Стас медленно двинулся по площади. Судя по тому, что он видел, мобилизация волонтеров-строителей шла тяжко. Вокруг каждого из говорунов-технарей кучковались возмущенные итеры, пытающиеся доказать свою полную непригодность к строительным работам. Технари, не скрывая презрения, старались справиться с саботажниками уговорами, но время от времени им все же приходилось прибегать к прямым угрозам и грубой физической силе.

Несколько инженеров притащили какие-то технические приспособления, призванные ускорить рубку деревьев и подготовку их к установке в стройную линию частокола.

Первые отряды лесорубов уже отправились в лес, женщин и детей тоже не было видно.

Стас подошел к Зинину.

– Фимчик уже все обдумал, – кивнул тот в сторону невысокого плечистого мужчины с лицом, сильно напоминавшим непрошенных гостей Долины, и подтолкнул Стаса локтем. – Ему, похоже, легче понять психологию сородичей – не то что нам...

Стас проигнорировал неприятную шутку, и Зинин продолжал:

– Он собрал всех в два отряда. С одним ушел Василёв, к другому сейчас пойду я. Хочешь – иди ты.

– Нет уж, я, пожалуй, займусь агитацией и пропагандой, – покачал головой Стас. – А потом буду охранять строителей, – и отправился на помощь инженерам, силившимся объяснить самым ленивым и непонятливым технологию сооружения частокола.

...Через пару часов работа была с грехом пополам налажена. Из лесу доносились довольно ритмичные удары топоров, а с задней стороны поселения дричи заколачивали в землю двухметровые толстенные жерди и доски, заостренные с обеих сторон. Стас подумал о том, чтобы раздвоиться: тогда можно было бы одновременно и обеспечивать охрану строителей, и метаться по домам итеров, возвращая дезертиров на поле боя. Наконец он не выдержал внутренней борьбы и, поминутно оглядываясь, побежал в лес.

Там он отыскал Василёва, который со своим обычным бесстрастным видом шатался вокруг лесорубов, то и дело норовя принять участие в процессе, и отвел его в сторону:

– Слушай, давай махнемся ружьями, а? На черта тебе стрелять по питекам снотворным? Ты же не собираешься их анатомию изучать, правда? Я тебе дам нормальную винтовку, и ты в случае чего будешь просто палить в воздух. Тогда тебя одного здесь вполне хватит. И Зинина с его факелом я у тебя заберу: пусть он строителей охраняет, а я буду бездельников отлавливать.

Ты себе не представляешь, как они ухитряются смываться! Только что был – и нету. Я уже замучился и с ружьем вдоль забора бегать, и балбесов обратно сгонять.

Василёв без возражений произвел обмен ружьями и, так ничего и не сказав, вернулся на свой пост.

Когда над северными холмами проскользила, быстро снижаясь, серебряная птица, солнце уже начало проявлять интерес к ночному отдыху, а метров сто пятьдесят частокола почти отгораживали заднюю сторону поселения от леса.

Видимо, местные инженеры не зря ели свой хлеб: их приспособления удачно компенсировали недостаток рабочего энтузиазма. Во всяком случае, Стас никак не ожидал, что работы будут продвигаться такими темпами.

Он рассудил, что на часок можно прервать процесс возвращения особо нерадивых итеров на свои рабочие места (правду сказать, почти все они и так уже втянулись в процесс) и встретить Лилию.

Щадя Буряка, Стас выждал, пока тот помог Лилии выбраться из зависшего над площадью самолета и снова скрылся в салоне, и только тогда выдвинулся из-за дома.

Лилия, сияя своими невероятными глазищами, быстро пошла к нему. Выражение ее лица издали Стас оценил как сложное и противоречивое, поэтому предпочел сразу закрыть ей рот поцелуем, предусмотрительно затащив ее сначала в дом.

Когда они оба отдышались, Стас быстро сказал:

– Я страшно соскучился, поэтому кричать будешь потом, ладно? Я все расскажу вам четверым ночью.

Лилия, испытующе глядя ему в глаза, возразила:

– Ночью Буряк собирается заняться оружием.

– Ну, это его дело, – пожал плечами Стас. – Хотя мы можем пойти и к нему – расскажу там. Какая разница?

– Ты как? – тревожно спросила она. – Расстроился?

– А как ты думаешь? – сердито ответил Стас. – Чувствую себя так, будто прилюдно обделался. Хотя, собственно говоря, примерно это я и сделал. Заметь, это народ пока еще не сообразил, что я имею к питекам какое-то отношение... Представляешь, что будет, когда сообразит?

– Ладно, плюнь, – посоветовала Лилия. – Что тебе терять-то?

Стас еще раз поцеловал ее, с трудом оторвался, когда по ступенькам крыльца подчеркнуто громко затоптал Буряк, и легонько подтолкнул ее в сторону своей спальни.

– Иди. А я пойду возвращать шалопаев на работу. Небось, без меня уже все разбежались.

И он зашагал к выходу мимо вошедшего Буряка. Тот шел, до бровей нагруженный какими-то коробками, железяками и еще чем-то непонятным, но все-таки сумел поверх всего этого невнятно спросить, придерживая подбородком какую-то длинную непослушную планку:

– Ночью работать будете?

– Попробуем... – безнадежно махнул рукой Стас и вышел.

К его удивлению, оказалось, что ближе к ночи у народа проснулся азарт: видимо, вид стремительно удлиняющейся линии обороны сыграл вдохновляющую роль. Вдоль яростно заколачивающего жерди стройбата с довольным видом расхаживал Зинин. Он радостно встретил вернувшегося Стаса и ухватил его за рукав:

– Слушай, ты представляешь себе – все работают как черти! Как ты ушел, они почему-то все сразу начали сами возвращаться!

Стас с досадой хмыкнул:

– Я понял: если я совсем улечу, вы к утру всю стену выстроите.

– Да ладно тебе, я же не про то, – поморщился Зинин. – Это ведь как раз то, о чем мы говорили еще на Равнине: появилась общая опасность – и все начали работать. Даже не жалуется никто!

– Я рад, что мои питеки так тебя осчастливили, – язвительно сказал Стас. – Когда с этим справимся, я еще какую-нибудь гадость придумаю.

Зинин, похоже, не слишком вслушивался в его слова:

– Мне кажется, они даже ночью собираются работать. Интересно только, как долго все это продержится...

Стас в сердцах плюнул и пошел искать себе какое-то полезное занятие. Тут с другого конца будущего частокола примчался обезьяноподобный Фимчик и торопливо забасил:

– Предлагаю вернуть лесорубов! Они уже столько жердей заготовили, что им и здесь пока работы хватит. Да и опасно – в темноте-то рубить!

– Сейчас я их приведу, – угрюмо буркнул Стас, злясь на себя за то, что не подумал о технике безопасности.

Он пошел на бодрый звук топоров: казалось, что работяги за целый день совершенно не устали – хотя, возможно, такое впечатление создавалось просто из-за обилия задействованных топоров. Было даже удивительно: откуда вообще в Долине взялось столько плотничьего инструмента?

Стас шел до лесорубов дольше, чем предполагал: за эти часы линия леса довольно значительно отступила от поселения. Интересно, что же за гениальные изобретения ввели в бой местные инженеры? На Земле они бы, наверное, озолотились на таких патентах...

Наконец он наткнулся на первую пару лесорубов, пытающихся свалить надрубленное дерево, и сразу понял, что впечатление было ошибочным: судя по их осунувшимся лицам и озверелым взглядам, кидаемым на неохотно поддающийся ствол высоченной сосны, до последнего издыхания им оставалось совсем немного. Стас гаркнул:

– Валите последнее и возвращайтесь! Там еще пилить и пилить – все полегче станет...

Измученные мужики, не обернувшись на его голос, яростно набросились на сосну, и та, ошалеv от их наскока, вдруг подалась и начала клониться в сторону Стаса. Тот едва успел отпрыгнуть, как огромный ствол с шумом грохнулся совсем рядом с тем местом, где он только что стоял.

Дальше Стас передвигался уже с куда большей осторожностью. Как выяснилось, неопытные лесорубы не всегда вспоминали о необходимости крикнуть «Берегись», когда стволы начинали падать. Было решительно непонятно, как им удавалось до сих пор выживать.

Он повторил радостную весть еще раз пятнадцать, и лес постепенно опустел. Шагая вместе с Василёвым следом за последней парой лесорубов, Стас негромко поинтересовался:

– Питеки появлялись?

– Ни одного, – кратко ответил тот.

Стас вздохнул:

– Я бы тоже испугался, когда такой грохот по всему лесу стоит... Может, просто ревун установить около поселения? Ни одна зараза и близко не подойдет.

– Ага, – согласно кивнул Василёв. – Только тогда наши сами в лес переселятся.

– И то правда... Там добрый Буряк вернулся и спрашивает, будет ли народ ночью работать.

– Я даже не знаю, выйдет ли кто завтра на работу! – неожиданно взорвался обычно молчаливый Василёв. – Если сейчас они еще попилят да позаколачивают все это в землю, то наши медики полночи будут кровавые мозоли лечить.

Стас виновато промолчал. Он и так чувствовал себя бездельником – куда хуже итеров, которые и в первую-то половину дня работали, а уж во вторую вовсе побили все рекорды.

Поэтому, когда они добрались до пилорамы, оставшейся со времен строительства в Долине, он накинулся на работу как голодный.

Опомнился он только тогда, когда все заготовленные толстые стволы были уже распущены на доски, а тонкие нарублены на жерди. В первую минуту он пожалел, что не догадался уговорить лесорубов дотащить до поселения все уже срубленные деревья, но потом устыдился: в этом случае всем точно пришлось бы работать до рассвета.

Тогда он перебежал к тем, кто все еще с отчаянием обреченности продолжал вколачивать и вколачивать доски и жерди в землю, туго перетягивая их веревками. На общее счастье, дричи еще три года назад приспособились делать веревки из лиан, росших в восточной части леса.

Призывать к дальнейшим работам Стас уже не рисковал. Теперь он просто с опаской поглядывал на работавших рядом всякий раз, когда те переставали стучать своими огромными камнями и тяжелыми молотками.

Наконец кто-то пустил по цепи клич:

– Добьем все, что заготовлено – и спать!

Стас с ужасом посмотрел на кучу всего того, что было навалено возле пилорамы, и заорал:

– Мужики, вы же подохнете к утру! Пусть каждый добьет то, что ставит сейчас – и в койку! Завтра тоже будет день, можете не сомневаться.

Спорить никто не стал, но работа тут же ускорилась.

В итоге часам к трем гора заготовок оказалась полностью изничтоженной, а поселение почти наполовину было окружено густым высоким частоколом. Народ в изнеможении поплелся по домам.

Стас ждал, пока до него добредут Зинин с Василёвым, работавшие на другом конце линии ограждения. Идти оттуда им было долго, поэтому Стас от нечего делать решил двинуться им навстречу.

Внезапно на него из темноты выскочила провидица Эмма. Стас только открыл рот, чтобы поздороваться, как она, беззвучно ахнув, закрылась краем запыленного платка и юркнула в сторону. Он недоуменно проводил взглядом ее грациозную фигуру, скрывшуюся в темноте. Из раздумий по этому непонятному поводу его вывел Василёв, беззвучно возникший из той же темноты с ружьем в руке.

– Слушай, что это было? – изумленно спросил Стас, кивнув в ту сторону, где исчезла армянская княжна.

Василёв повертел головой, пытаясь рассмотреть, о чем именно был задан вопрос, не сумел этого сделать и вопросительно поглядел на Стаса. Тот задумчиво пояснил:

– Эмма почему-то меня до смерти боится. Не здоровается, прячется... Ты не знаешь, в чем дело?

– Понятия не имею, – сообщил Василёв и покачнулся, потому что появившийся откуда-то сзади Зинин, проходя мимо, восторженно ткнул его в спину.

– Ничего себе темпы, а?

Не ответив, Василёв двинулся в сторону площади. Зинина его молчание нимало не обескуражило, и он решил просто сменить собеседника:

– Стас, Лилия прилетела? Как ей с самолета понравилось все это зрелище?

– Ты знаешь, у нас с ней как-то не было времени обсудить именно это, – с вежливым ехидством заметил Стас, шагая следом за Василёвым, и Зинин обиженно умолк.

Когда они добрались до матушевского дома, на крыльце, напряженно вглядываясь во тьму, стояла Лилия. Увидев их, она легко сбежала с крыльца им навстречу:

– Ребята, погодите. Я понимаю, что вы зверски устали, но если вы зайдете в дом, мы уже больше никуда не пойдем.

– Конечно, не пойдем. Куда нам идти? – сквозь зубы пробормотал сдвинувшийся, как после-праздничный воздушный шарик, Зинин.

– Буряк возится в своей мастерской с шокерами. Он слезно просил, чтобы мы дошли до него: он тоже очень хочет Стаса послушать.

– Прямо так-таки и слезно, – снова проворчал Зинин, норовя обойти неожиданное препятствие сбоку и попасть все же в дом.

Лилия элегантно сделала шаг назад, и вход на ступеньки оказался полностью закрытым. Зинин тяжело вздохнул и без сил оперся на перила.

– Пошли, – коротко сказал Василёв и зашагал в сторону буряковского дома.

Лилия проследила, чтобы Зинин отошел от крыльца на достаточное расстояние, и только тогда пошла за мужчинами.

Буряк был не менее грязен, чем строители частокола, но казался куда более воодушевленным. Мастерская была завалена металлическими и деревянными заготовками, а слева в углу лежало несколько одинаковых длинных палок – видимо, уже готовых шокеров.

– Ого, у тебя тут все на поток поставлено, – уважительно заметил Стас, беря в руки одну из палок. – Как я понимаю, с этой штукой надо обращаться осторожно?

– Вот и обращайся осторожно, – посоветовал Буряк, отвлекшийся от своего занятия и настороженно глядящий на Стасовы руки. – Там сбоку кнопочка – вот ее лучше без острой необходимости не нажимать. Нечего заряд зря расходовать.

– Ты так и будешь продолжать пилить-строгать? – осведомился Стас, осторожно возвращая шокер на место. – Мне тебя перекрикивать?

– А зачем иначе я просил бы вас сюда прийти? – резонно возразил Буряк, вернувшийся к своему занятию. – Давай рассказывай.

И Стас рассказал собравшимся про Сандипа, про странную Четвертую Землю, совсем уж загадочную Третью и про Галилея-демиурга. К концу его рассказа наступила тишина: Буряк оторвался от своих трудов и задумчиво глядел на Стаса.

Первой заговорила Лилия:

– Получается, наш Галилей – просто-таки король приоров. Как-то грустно...

Стас сочувственно глянул на нее – он и сам до сих пор пребывал в состоянии острого разочарования по этому поводу – и негромко сказал:

– Может, просто в любом человеке сидит свой приор? Стоит попасть в благоприятные условия – и он расцветает пышным цветом... Я вон тоже никогда не мечтал о роли партийного лидера, а что вышло?

– Партайгеноссе, – тихонько подсказал Буряк, снова принимаясь за работу. – «Хайль» кричать?

Зинин безжалостно уточнил:

– Скорее уж английская королева, которая, как известно, царствует, но не правит.

– Спасибо, друзья, поддержали, – тоскливо поблагодарил Стас.

– Может, Галилей просто сбросил здесь своего приора, как ящерица хвост, и отправился на Четвертую Землю без этого обременения, – неожиданно многословно высказался Василёв, и все изумленно воззрились на него, потрясенные таким ораторским подвигом.

– Резюмирую, – объявил Буряк. – На Четвертую Землю нам хода нет. А на настоящую Третью, если я правильно понял твоего индуса, мы бы и сами не захотели, даже если б могли. Тогда о чем говорить?

– Позвольте, я дополню резюме, – вмешался на редкость оптимистичный сегодня Зинин. – Мы получили огромный подарок: теперь у всех есть общая забота – причем навсегда. Значит, есть шанс, что у нас здесь что-то начнет происходить.

– Слушайте, а почему навсегда? – вскинулся вдруг Буряк. – Стас, если ты смог создать этих питеков – может, ты сможешь их и убрать?

– Еще чего! – возмутился оскорбленный до глубины своей исторической души Зинин. – Ты вообще услышал, что я сказал? Если он их уберет, здесь снова будет болото. Тебя это не волнует?

– Да в общем-то не особо, – пожал плечами Буряк, откладывая в сторону очередной готовый шокер.

– Стоп, малыши, – прикрикнул Стас на готового начать бурную дискуссию Зинина. – Спорьте, не спорьте – один черт: я все равно ничего не смогу поделаться с питеками. Что-то создать я могу, а уничтожить – увы...

– Пробовал? – недоверчиво глянул на него вновь очнувшийся Василёв.

Стас молча кивнул.

– А шнур у Павла? Ты же его порвал?

Стас разозлился:

– Объясняю для тех, у кого задержка психического развития: я могу только как-то приспособиться к тем условиям, которые есть. Изменить сами условия я не могу. Еще вопросы имеются?

Лилия задумчиво протянула:

– Кстати, интересно – а почему это именно так?

– Ага, давайте пофилософствуем, – ядовито сказал Буряк. – Никаких практических забот у нас все равно нет, надо же как-то время убить...

– А чего тут обсуждать? – удивился Стас. – Все вроде решено, разве нет? Стену строим – это раз. Каждую ночь кто-то охраняет поселение с боевым ружьем и стреляет в воздух, если появляются питеки – это два. На дом выдаем один шокер – это три. Факелы они, надеюсь, сами сумеют сделать. Экспедиции в лес по разным надобностям – с тем же боевым ружьем и шокерами. Это четыре. По-моему, все. Или я что-то забыл?

– А как вы думаете, – вдруг мечтательно заговорила Лилия, – экторов-животных можно есть? А то настреляли бы какой-нибудь дичи...

Все, кроме прыснувшего Стаса, дико посмотрели на нее, как будто бы она предложила подстрелить к ужину парочку особо жирненьких итеров, и промолчали. Лилия удивилась:

– А чего вы? Почему-то же у Матушева было ружье? Вы уверены, что он этого не делал?

– А пусть вот он у своего Сандипа спросит, – Буряк хмуро мотнул головой в сторону Стаса. – Тот с Матушевым дружил, так что должен знать.

На том встреча в верхах и закончилась. Лесорубы и строители с кряхтением и оханьем поднялись и потянулись к двери, а Буряк продолжал сосредоточенно возиться со своими железяками и деревяшками, словно и не заметил их ухода.

...Как и предполагал Василёв, утром народ на работу не поднялся. Сначала Цветана полночи лечила кровавые мозоли, рваные раны и растянутые мышцы, а потом вчерашние трудяги до полудня стонали и ворчали, лежа в кроватях.

Однако ближе к обеду в лес снова выдвинулись лесорубы, кто-то встал к пилораме, а остальные продолжили вколачивать новые жерди с обеих сторон частокола. Питеки (видимо, еще вчера насмерть перепуганные криками, стуком топоров и шумом падающих деревьев) пока не показывались.

Итеры, хоть и с большим опозданием, но все-таки выползли работать, Зинин все время курсировал вдоль работающих, так что Стасу оставалось только подключиться к строительным работам. Правда, пару раз он сбегал в лес к Василёву: тот был не слишком рьяным охранником и все время присоединялся то к одной паре лесорубов, то к другой, помогая им валить срубленные деревья. Стас тоже попытался было поучаствовать, но на него не слишком любезно цыкнули, и он вернулся туда, где от него мог быть хоть какой-то прок.

Когда неподалеку показались разносившие обед женщины, Стас вдруг смекнул, что Эмма наверняка сейчас занята тем же самым, и двинулся вдоль частокола. Заметив ее еще издали,

он сделал большой крюк, чтобы не попасться ей на глаза раньше времени, и внезапно появился прямо перед ней.

Армянка опять округлила свои роскошные восточные очи и сделала попытку метнуться в сторону, но он крепко ухватил ее за рукав и отвел в сторонку.

– Ну, рассказывай, княжна, – мягко сказал он. – Чего ты от меня бегаешь? По-моему, мы не ссорились.

Некоторое время Эмма боролась с собой, потом вскинула голову и неуверенно произнесла:

– Стас, я все видела.

– Что именно ты видела? – вкрадчиво поинтересовался Стас. – Я опять кого-то пытался убить?

Та потупилась и тихо ответила:

– Я давно видела обезьян...

– И что? Они тебе сказали, что я гад? Или у них на лбу было написано, что именно я их создал?

– Нет, просто я подумала, что ты превратил в обезьян... – тут она задохнулась то ли от страха, то ли от негодования и умолкла.

– Господи, кого? – простонал Стас. – Я никого не могу ни во что превратить!

– Мы все тут тебя страшно раздражаем, я знаю, – совсем уж невнятным шепотом продолжала Эмма. – Ты ведь другого ожидал, правда? Вот я и решила, что ты превратил итеров в обезьян...

– С ума сошла? – поразился Стас. – Зачем бы мне было это делать?!

– Я не знаю... Но я очень испугалась, – призналась Эмма и беззвучно заплакала.

Это называется: приехали, распрягай лошадей. Осталось начать детей пугать гневливым и всемогущим Стасом...

Стас взял ее за плечи и несильно встряхнул, пытаясь заглянуть в ее опущенное несчастное лицо.

– Эмма, милая, ну скажи: я хоть кому-нибудь здесь делал плохое? Да, я злюсь, да, я не всем создаю то, что они просят. Только кому я навредил?!

– Ты здесь главный, и ты на нас злишься, разве этого мало? – отчаянно всхлипнула она и подняла на Стаса жалобный взгляд. – Может, если бы ты кого-нибудь наказывал, было бы не так страшно. А сейчас... Мы же не знаем, что ты думаешь, не знаем, что ты сделаешь! А что глаза у тебя почти все время злые – мы знаем. Я вообще все время боюсь, когда ты здесь...

Стас бессильно опустил руки и прислонился к задней стене чьего-то дома. Так он стоял долго, закрыв глаза и ни о чем не думая. Эмма, замерев, смотрела на него во все глаза с виноватым видом, а потом тихонько дотронулась до его руки:

– Стас, ты на меня обиделся?

Он открыл глаза и тоскливо глянул на нее:

– Нет, Эмма, не обиделся. Просто все как-то не так. Я вас сюда притащил, вы мне поверили – а я, получается, вас бросил... Я-то думал, вы здесь все сами устроите так, как захотите. Иначе я бы вообще во все это не ввязывался. А теперь...

Он с трудом собрался и устало спросил у нее:

– А сейчас что ты видишь? Что будет?

Эмма яростно замотала головой:

– Нет, я теперь больше не смотрю будущее! Не хочу!

– А если я тебя очень попрошу?

Она умоляюще потянулась к нему:

– Пожалуйста, Стас, не надо! Я очень боюсь!

– Чего ты боишься? – поразился он. – Почему ты думаешь, что впереди будет плохое?

– Я не знаю! Но будет плохо!

Страшно злясь на самого себя, Стас добавил в голос чуть-чуть металла:

– И все же?

Эмма втянула голову в плечи, глянула на него с тихой укоризной, потом закрыла глаза и затихла.

Стас, затаив дыхание, ждал, сам себя ругая за то, что спросил. Мало ему, что ли, Сандипа с его туманными объяснениями насчет многочисленных Земель? И непрошенных и неустрашимых теперь питеков – тоже мало?

– Здесь приземлится большой темный самолет... – монотонно заговорила армянка. – На нем будут нарисованы какие-то золотые круги и пятна. К нему пойдет много людей, а ты опять будешь кричать, как тогда, три года назад...

Вдруг она вздрогнула всем телом, часто-часто задышала и распахнула необъятные от ужаса глаза:

– А потом я умру...

Стас тоже вздрогнул и быстро возразил:

– Ты же не можешь это видеть. Если видишь – значит, не умрешь, разве не так?

– Ты не понимаешь... – отстраненно произнесла Эмма и медленно, неуверенными шагами пошла прочь.

Самолет. И, видимо, новая волна дестабилизации. Но почему?! Можно сколько угодно хихикать над юношеским энтузиазмом Зинина по поводу объединения здешнего люда, но одно можно сказать точно: в ближайшем будущем никому здесь скучно не будет. Мало того, еще пара-тройка дней, и страха тоже не будет. Будет достроен частокол, все вооружатся шокерами, и жизнь войдет в почти прежнюю колею. При этом малые дозы адреналина все равно время от времени будут впрыскиваться: то какой-нибудь шальной питек напугает тех, кто пойдет в лес по грибы, то...

Стоп. Зинин ведь сказал: это – питекантропы, которые, согласно научным мифам, уже могли начать разговаривать. Так, может, попробовать начать с ними общаться?

В любом случае – ни страха, ни скуки не предвидится. Тогда почему?.. Или Эмма все-таки ошиблась?

Стас в беспокойных раздумьях вернулся на свое место в цепочке строителей забора. Однако оказалось, что за это время стала намечаться нехватка заготовленных жердей и досок, и он сам себя перебросил на пилораму. А там монотонный процесс полностью подчинил себе его сознание, и он вообще перестал думать о чем бы то ни было.

...Только вечером следующего дня, когда строительные работы по возведению частокола были закончены, а Лилия бережно вытащила у Стаса из ладоней все занозы, обработала все ссадины, накормила и напоила, он решился-таки рассказать ей про разговор с Эммой.

– Пойдем, посидим наверху. Поболтаем, подумаем...

Она тревожно глянула на него и спросила:

– Опять что-то случилось?

– Пойдем, – и он упрямо потянул ее за собой.

Со смотровой площадки было хорошо видно, что поселение теперь полностью защищено со всех сторон. Правда, сверху частокол, несмотря на свою высоту, выглядел довольно хлипким, но Стас знал: выворотить из земли забитые туда чуть ли не на полметра колья, натуго стянутые прочными лианами – задача не для слабаков.

Можно было, конечно, организовать ночные дежурства, но отсутствие питеков в зоне видимости на протяжении трех дней сильно ослабило страх населения Долины. Все, похоже, решили, что шум в ходе строительных работ отпугнул питеков на веки вечные, и теперь торжествовали свою полную победу.

Стас был настроен далеко не так оптимистично, но решил отдаться на волю случая: достаточно первого появления питеков у забора – и люди снова вспомнят о постоянной опасности по соседству.

Отделенный от поселения замусоренной и бестолковой полосой вырубки лес выглядел одновременно и несчастным, и угрожающим. В вечерних сумерках трудно было бы заметить питеков, если бы они вдруг решили побродить среди свежих пней, щепок и обрубленных мелких веток. Тем не менее ожидания их появления было вполне достаточно для того, чтобы пребывать в постоянном напряжении.

Стас покосился на Лилию, которая с горечью оглядывала некогда прекрасные окрестности.

– Знаешь, у нас в автопробега была примета, – не слишком естественным оживленным тоном начал он. – Как только пейзаж начинает паршиветь – значит, рядом люди. Никаких конкретных примет еще нет – ни домов, ни мусора, ни рекламных щитов у дороги, – а все уже понятно. Так что мы продолжаем славные традиции родной Земли.

Лилия никак не откликнулась на его слова, и он огорченно замолчал.

Только спустя несколько минут Лилия вернулась из своего забытья и испытующе посмотрела на Стаса:

– Так о чем ты хотел мне рассказать?

Вот уже три года Стас никак не мог решить, нравится ли ему, что Лилия понимает его лучше, чем, на его взгляд, один человек способен понимать другого. Чаще всего это вызывало у него досаду – но только потому... Впрочем, он и сам до сих пор не мог с уверенностью ответить, на что именно досадует. Возможно, просто на то, что она отнюдь не всегда бывала для него такой же понятной.

– Эмма говорит, что в будущем сюда прилетит большой черный самолет, многие люди отсюда уйдут, а она сама умрет. А еще она говорит, что давно знала о питеках, но думала, что это я превращаю итеров в обезьян. Оказывается, она меня до смерти боится. Говорит, что у меня все время злые глаза, когда я здесь. У меня что – и правда злые глаза?

Лилия прижалась к нему и прошептала на ухо:

– Когда смотришь на меня – нет. А про остальное не знаю, я же не Эмма...

– Да черт с ними, с глазами! Что ты думаешь по поводу ее видения?

– Насколько я помню, она не ошибается в том, что видит. Может ошибаться, когда интерпретирует то, что увидела – это да. Но тут она ничего не интерпретировала. Видела – значит, будет, – пожала плечами Лилия.

– Тебя это не беспокоит?

Лилия вздохнула, села на пол и потянула Стаса за руку, чтобы он тоже сел рядом.

– Меня больше беспокоит другое. Я не хотела тебе говорить, пока вы вкалывали, как проклятые, но сказать надо.

Стас насторожился:

– Что-то случилось на Равнине?

– Да вроде бы пока ничего не случилось... Но мне все равно тревожно. Там Тимофей что-то затевает, а я не могу понять, зачем ему это. Он у нас, видишь ли, пытается стать духовным лидером Равнины.

– Мама дорогая! Это как же? – развеселился Стас.

– Придумал какой-то священный знак – «гелиос» – и делает вид, что на него молится. То есть молится не на сам гелиос, а на Галилея. Представляешь, он собрал чуть ли не все население Равнины к себе на ужин и там нам все это продемонстрировал. Сказал, что мы за все должны быть благодарны Галилею, а смерти происходят только тогда, когда мы не следуем введенным Галилеем законам. У него теперь куча сторонников – и среди итеров, и среди дричей...

– И это все? – усмехнулся Стас. – И что тебя настораживает? У него ломка без власти – вот он и играет в мессию.

Лилия с сомнением покачала головой.

– Во-первых, я не понимаю, что он задумал и зачем ему все это. А во-вторых... Во-вторых, он сказал, что встречался с Галилеем, и тот одобрил всю эту затею с религией.

– Тимофей действительно с ним встречался? – ошеломленно спросил Стас. – Или просто врет? Никак ведь не проверишь...

– Понимаешь, он показал нам всем древний компас. Сказал, что это подарок Галилея – чтобы люди не сбивались с верного пути.

– Подумаешь, компас! – пренебрежительно фыркнул Стас. – Буряк тебе разных компасов штук десять сделает, включая древнекитайский.

– Это еще не все, – возразила Лилия, упрямо тряхнув головой. – Я ведь тоже сначала не поверила. А после ужина попросила разрешения сходить к нему на конюшню и разговори-лась с экторами. А они проболтались, что накануне он брал одну из лошадей почти на всю ночь и вернул ее совершенно взмыленной. Подтверждение, конечно, косвенное, но... Мне кажется, он слишком умен, чтобы так нагло врать.

– Галилей четыреста лет ни с кем не встречался, – задумчиво проговорил Стас, – а тут вдруг за три года сразу дважды?

– Пока ты не рассказал про разговор с Сандипом, я все-таки продолжала сомневаться. А Галилей-демиург... Такой вполне мог бы встретиться с человеком, который объявил его местным богом. Разве не так?

– А по-моему, ты просто соскучилась по политическим интригам, царская дочка, – засмеялся Стас, скрывая беспокойство. – Ну даже если и встречался – что с того? Нет бога, кроме Галилея, и Тимофей – пророк его? Забавно... Если Галилею это нравится – пусть радуется, не жалко.

Лилия укоризненно посмотрела на него:

– Думаешь, я не вижу, как ты напрягся?

Стас обреченно махнул рукой:

– Давай я вообще не буду ничего говорить. Просто буду на тебя смотреть, а ты будешь знать, о чем я думаю. Сэкономим силы.

Лилия растянулась на полу смотровой площадки и уставилась на небо.

– Полнолуние... – мечтательно протянула она. – Смотри, как светло.

Стас улегся рядом и тоже засмотрелся вверх.

– Никак не пойму: наша Земля где-то там или она вообще в другом временном пространстве?

– Затрудняюсь поддержать разговор, – засмеялась Лилия. – Физика – это не по моей части. Но выглядит красиво, да?

Не отвечая, Стас нащупал ее ладонь и бережно сжал.

– Давай уйдем в схиму вдвоем?

– Это в смысле – к тебе в институт? Ничего себе схима...

Стас не мог видеть ее лицо где-то слева от его плеча, но по голосу почувствовал, что она улыбается.

– А если бы ты узнал, что Тимофей на самом деле встречался с Галилеем – ты бы ревновал? – внезапно спросила Лилия.

Стас опешил.

– С чего ты взяла?

– С того, как именно ты напрягся, когда я об этом сказала. Стас, милый, ты все время забываешь, что я приорка... – теперь в ее голосе слышалась легкая насмешка.

– Это-то здесь при чем? – с досадой проворчал он.

– Это – при том, что я очень неплохо понимаю приоров. Ты можешь сколько угодно врать себе и пытаться даже врать другим... Хотя никто все равно уже не верит, не надейся. Но мне-то не надо, ладно? Ты самый настоящий приор, просто боишься это признать.

Стас рывком сел, отвернувшись от нее, и обхватил руками колени. Теперь ему был виден лес, обильно политый жемчужно-голубым кисельным соусом лунного света. Почему-то он чувствовал себя больно задетым.

– Сандип сказал, что на Четвертой Земле приоров не бывает, – неожиданно для самого себя произнес он.

Тут уж села и Лилия, привалившись боком к его коленям:

– Ты так хочешь на Четвертую Землю?

Стас с горечью ответил:

– Сам не знаю. Но одно дело, если я сам не хочу, и совсем другое – когда мне туда путь заказан, потому что я, как ты говоришь, приор.

– А, ну да, запретный плод... – сладко потянулась Лилия. – Смотри, как неподвижен лес. Просто невозможно поверить, что там – эти кошмарные обезьяны.

– И ничего они не кошмарные, – вступился за пращуров Стас. – Почти такие же, как мы, только пониже и поволосатее. А так даже довольно симпатичные. Тебе понравятся.

Словно в ответ на их внимание, лес начал издавать какие-то тихие и не очень понятные звуки: где-то вдали справа налево заскользил шорох раздвигаемых ветвей, потом на самой опушке что-то шумнуло – раз, другой... Через пару минут снова все стихло.

Стас напряженно всматривался туда, откуда доносился шорох, и в какой-то момент в холодном лунном свете из лесу выдвинулась сначала одна широкая тень, потом еще несколько...

Он положил руку Лилии на затылок и медленно повернул ее голову в нужную сторону.

– Только тихо, – почти беззвучно предупредил он.

– Почему? – шепотом поинтересовалась она. – Это же далеко.

– Я понятия не имею, на каком расстоянии они слышат. Это же звери, не забывай.

Тени на опушке не двигались: видимо, осматривали изменившийся с их прошлого появления ландшафт. Потом они, осторожно пригибаясь, двинулись к частоколу. Стас затаил дыхание: пришли сотрудники отдела технического контроля...

Не дойдя до забора, питеки вдруг разом застыли и повернули головы в сторону леса.

В следующее мгновение вся стая одновременно снялась с места и с тревожными воплями понеслась обратно к лесу – но не к тому месту, откуда вышла, а почему-то совсем в другую сторону. В несколько гигантских прыжков они достигли деревьев и скрылись в их тени. И тут же стало ясно, что заставило их так быстро исчезнуть: по лесу прокатился протяжный вой, какого Стас никогда прежде здесь не слышал.

– Надеюсь, все проснулись, – обычным голосом сказал он. – Тогда эйфория у них сразу же исчезнет, и завтра можно будет нормально говорить о том, как обеспечивать безопасность.

Лилия тихонько рассмеялась:

– Вот видишь, ты почему-то заботишься об их безопасности. Тебя никто не выбирал президентом, они не твои дети – но ты считаешь своим долгом их защищать. Они тебя раздражают до ужаса, но... Это же твой долг, правда?

– И что это значит? – огрызнулся Стас.

– Только то, что я права, – безмятежно пропела Лилия и снова улеглась на пол. – Как там Буряк сказал? Партайгеноссе?

Стас сердито посмотрел на нее:

– А ты считаешь, что я должен просто улететь отсюда и больше никогда не появляться?

– Да делай ты что хочешь! Хотя... Прямо сейчас я считаю, что ты должен заставить меня перестать болтать, – заявила Лилия, вцепилась ему в рукава и тянула до тех пор, пока он, потеряв равновесие, не свалился лицом прямо ей на грудь.

...На следующее утро народ начал собираться на площади чуть ли не с рассветом: было ясно, что ночной вой вернул всех к изначальному страху.

Лилия то и дело выглядывала в окно, наблюдая, как площадь заполняется возбужденно переговаривающимся народом, и лукаво поглядывала на Стаса.

Поймав ее очередной взгляд, Стас раздраженно осведомился:

– Что? Ты же сама говорила – нечего их баловать.

– Положим, именно так я не говорила... – продолжала резвиться Лилия. – Но ответ вполне достоин истинного приора, ты не находишь?

Стас решительно подхватил ее на руки, бросил на диван в кабинете и засыпал сверху матушевскими фотоальбомами.

– Учи матчасть! – распорядился он. – И не приставай ко мне, все равно я никуда не пойду.

– Что учить? – недоуменно переспросила Лилия. – Какую матчасть?

Стас закатил глаза и предпочел не отвечать.

Они уже второй час увлеченно изучали фотографии австралопитеков, пытаясь сравнивать их с нынешними обитателями леса, когда с грохотом распахнулась дверь, и в коридоре раздались быстрые сердитые шаги.

– Буряк, – шепнула Лилия с заговорщическим видом.

Появившийся на пороге кабинета Буряк полюбопытствовал:

– Долго сидеть собираешься? Там уже все собрались.

– И что? – невинно спросил Стас, не отрываясь от фотографий.

– Кончай свой кукольный театр, пошли, – грозно скомандовал Буряк, пиная носком ботинка стул, на котором Стас сидел. – Нужно обсудить, как жить будем.

Стас жалобно оглянулся на Лилию и обреченно произнес:

– А ты говоришь...

– Иди уже, партайгеноссе, – отмахнулась она, одновременно приветственно помахав рукой Буряку. Тот смущенно исправился:

– Привет, Лилия, – и тут же исчез в коридоре.

Стас вышел на крыльцо, все еще пытаясь разобраться в собственных ощущениях: неужели он действительно получает удовольствие от своей здешней незавидной роли? Или дело просто в том, что ему не нравится испытывать чувство вины, когда он вообще перестает заниматься делами Долины? С другой стороны – а вина-то откуда?! Разве он обещал кормить грудью все местное население?

Так ничего и не выяснив, он зычно крикнул на всю площадь:

– Ну что, братцы, послушали ночью волков? Уже можно перестать шутить на эту тему и поговорить всерьез?

Услышав в ответ согласный гвалт толпы, он коротко изложил три пункта будущей системы безопасности: ночная охрана поселения, шокеры и факелы, в лес – только группами и с боевым оружием.

Весть про доступность боевого оружия привела толпу в состояние нездорового ажиотажа, и Стас строго прикрикнул:

– Право носить ружья будут иметь только несколько человек, так что охолоните!

Он громко и внятно перечислил заранее обдуманную десятку людей, которым мог доверить стреляющий боевыми патронами ствол. В нее, конечно же, входили Зинин, Буряк и Василёв, но Стас дополнил список именами еще семи говорунов – самых сообразительных и одновременно достаточно уравновешенных и серьезных. По его разумению, никто из десятих ни в каком случае не поддастся бы искушению выстрелить без должных к тому оснований.

На голосование этот вопрос не ставился, и Стас снова с досадой подумал про себя, что ведет себя в лучших приорских традициях. Однако обсуждать предложенный список ему все равно не хотелось, поэтому он перешел к вопросу о ночных дозорных.

Из толпы тут же раздался коварный вопрос:

– Мы будем дежурить на смотровой площадке?

Наблюдательный пункт, оборудованный еще Матушевым, был объектом неизменного и пристального внимания всех жителей Долины, но до сего момента Стасу удавалось отстаивать абсолютный суверенитет матушевского дома. Поэтому сейчас он коротко отрезал:

– Забудьте.

По площади прокатился разочарованный гул. Было понятно, что идея ночных дежурств сразу же утратила большую часть своей и без того невеликой привлекательности. Но тут на крыльцо вылез Буряк и перехватил инициативу:

– Понятно, что есть две главные проблемы: как заставить людей дежурить и как помешать им на дежурстве спать.

Толпа развеселилась, но Буряк неумолимо продолжал:

– Я тут одну штуку придумал...

Он вытащил из кармана нечто, напоминающее довольно толстый браслет, и помахал им у себя над головой.

– Каждый вечер я лично буду сверяться с графиком, приходить в дом к очередному дежурному и надевать на него этот браслет. Понадобится – силой буду надевать. В особых случаях буду приходить не один.

Все притихли – кто-то испуганно, а кто-то заинтригованно.

– Как только я надену на вас этот браслет, он начнет все больше и больше нагреваться. А нагреваться он может до ста градусов. Но вы не бойтесь, на нем есть одна хитрая кнопка... – и он любовно оглядел свое творение. – Вы ее нажимаете, и браслет тут же остывает. А через минуту снова начинает нагреваться, так что нажать вы в любом случае не забудете. Заснете – он будет продолжать нагреваться, пока вы не проснетесь и эту кнопку все-таки не нажмете. Кстати, не надейтесь: браслет запирается на ключ, который есть только у меня. Утром вы будете сдавать дежурство лично мне, а я буду снимать браслет. Уяснили?

Стас, как и все остальные, понятия не имел, что Буряк изобрел столь иезуитскую процедуру обеспечения надежной ночной охраны, поэтому на протяжении сурового инструктажа давился безудержным смехом.

Буряк оглянулся на него, понял, что Стас в данный момент абсолютно неспособен общаться с собравшейся на площади толпой, и закончил народное собрание сам:

– Дежурят только мужчины. Дежурный получает от меня вот это, – и он снова извлек невесть откуда длинную палку с большим полым жестяным шаром на одном конце и яростно потряс ею. По площади разнесся омерзительный громкий лязг: видимо, шар был наполнен всякой металлической дребеденью.

– Если возникает опасность, дежурный просто трясет этой штукой, не подвергаясь никакой опасности. График составите сами и принесете мне. Если до темноты не будет графика – приду к тому, к кому захочу. Всем ясно?

Толпа загалдела, демонстрируя одновременно и свое понимание происходящего, и свое неполное согласие с ним.

Буряк сбежал по ступенькам, не обращая внимания на несущиеся ему вслед возмущенные возгласы. Тут же дверь в дом распахнулась, и на крыльцо выскользнула хохочущая Лилия:

– Молодец Буряк!

– Ты что, подслушивала? – грозно спросил Стас.

– Ясное дело, – удивилась такой наивности Лилия. – Разве ж я могла такое пропустить?

– Так ты знала... – обиженно догадался он.

– Конечно, знала! А ты думал, я буду сидеть дома, пока вы там лес валите, и, подперев щеку ручкой, ждать, пока ты вернешься? Ты меня первый день знаешь? – парировала Лилия и вернулась в дом.

К Стасу подошел Зинин:

– Слушай, мы как-то забыли обсудить: а что теперь-то с нашим вором? Мы его по-прежнему депортируем или будем считать питеков достаточным наказанием?

– С чего бы это? – удивился Стас. – Решили – значит, депортируем. Теперь у него будет больше оснований постараться не найти дорогу сюда. Вот и пусть шагает до Равнины. Чем плохо-то?

Зинин замялся, но не отошел.

– Что не так? – терпеливо спросил Стас, поглядывая на дверь, за которой исчезла Лилия.

– Понимаешь, он ведь честно работал... Я знаю, я специально следил! Я тебе больше скажу: он сам напросился в лесорубы. Может, с ним поговорить?

– Интересное дело, – прищурился Стас. – Решение принимали все, а отменять его будем мы с тобой? Тогда уж надо было сейчас все и обсудить. Чего молчал-то?

– А хочешь, я тебе расскажу про еще одно интересное дело? Решение о ночном дежурстве и стене мы тоже принимали сами, помнишь? Получается, кнут мы в одиночку можем брать, а пряником угощать – нет?

Стас начал закипать:

– Ночное дежурство – не наказание, а жизненная необходимость! Можно подумать, ты этого не понимаешь!

– Слушай, Стас, – Зинин сменил тон на примирительный, – я предлагаю простую вещь. Мы пока делаем вид, что забыли про Власова, и ждем. Если народ вспомнит, или если он снова проколется – тогда ты его отвезешь. Это же никогда не поздно сделать, правда?

– Я все-таки не понимаю, почему ты не заговорил об этом на площади. Тогда все было бы нормально. А так... Ты предлагаешь мне роль короля, который может решать все самолично?

Зинин насмешливо возразил:

– Нет, это ты ее на себя берешь. Я высказал тебе свое мнение, а ты повел себя так, будто без твоего разрешения мое предложение неосуществимо. Так что ты уж разберись – либо ты здесь главный, либо мы с тобой равны. А когда разберешься – будь добр, приведи свое поведение в соответствие с выбранной тобой ролью, – и, резко отвернувшись, он сбежал с крыльца, всей спиной выражая насмешку.

...Лилия сидела на диване с затрепанной толстой тетрадью в руках. Стас подошел и осторожно прикрыл тетрадь, пытаясь рассмотреть надпись на ней.

– Это последний дневник Матушева, – негромко сказала Лилия, задумчиво глядя в окно. – Тут его предположения по поводу того, как будет протекать его эксперимент. Мне кажется, тебя тут многое могло бы заинтересовать. Может, возьмем с собой?

– Зинин все время работает с матушевскими документами, надо у него спросить, – покачал головой Стас, размышляя о своем.

– Мы когда улетаем?

– Да хоть сейчас. Соберешься – и полетим. Мне здесь больше делать нечего.

Лилия внимательно посмотрела на него и спросила:

– Тебе не важно, что будет происходить дальше?

– Зинин сказал, что я играю в короля, – с горечью заявил Стас. – Вот я и хочу улететь. Пусть разбираются сами. Мне заняться нечем, что ли?

Она продолжала молча смотреть на него, дожидаясь продолжения.

– Я, наверное, просто лезу не в свое дело. Сюда привез – и ладно, чего их дальше-то пасти? Чай, не маленькие, справятся, – и он решительно шагнул к двери. – Пошли собираться.

– Но тебя же интересовало продолжение матушевского эксперимента, – вкрадчиво бросила вслед Лилия. – Помнится, именно поэтому в Долине и появились питеки...

Стас остановился в дверях, не оборачиваясь, отрезал:

– Это все равно надолго. Еще успею посмотреть, – и вышел.

Когда через несколько минут он вернулся с полупустым рюкзаком, Лилия чинно сидела на диване рядом со своей сумкой. Она испытующе взглянула на Стаса и попросила:

– Давай наверх сходим? Я люблю там бывать.

Он пожал плечами, швырнул рюкзак на диван и пошел по коридору к задней двери.

Взбежав по лестнице, Лилия прильнула к перилам и глубоко вздохнула.

– Как здесь раньше было красиво... – пробормотала она. – А теперь как-то очень грустно. Даже вчера ночью было не так.

Стас промолчал, хотя был полностью согласен: он-то видел здешние края еще тогда, когда отсюда, с наблюдательной площадки, не было видно ничего, кроме роскошных окрестностей. Лилия-то впервые появилась здесь одновременно с толпой ошалевших от стремительного переезда людей, которые бестолково скитались, осваиваясь в новом месте – поэтому сейчас ей не могло быть грустнее, чем Стасу.

Вдруг она тихо прошептала, дергая Стаса за руку:

– Дежавю, – и кивнула головой в сторону далекой опушки леса.

Стас перевел взгляд на опушку и замер. Точно так же, как накануне ночью, из лесу осторожно вышли несколько питеков и осмотрелись. Впрочем, сейчас их было больше, чем ночью, и их можно было рассмотреть. Коренастые шерстяные торсы демонстрировали именно то, что в обиходе принято называть грубой физической силой – причем не оставалось сомнений, что этой силы очень много.

По спине у Стаса пополз тревожный морозец, и он крепко сжал ладонь Лилии. Та, будто не заметив этого, тихо проговорила:

– Они не убрали камни...

В тот же момент Стас понял, откуда взялся морозец на спине: вдоль всего частокола валялись огромные камни, которыми на протяжении трех дней строительства народ за неимением достаточного количества кувалд заколачивал в землю жерди и доски.

– Вот сейчас мы и узнаем, действительно ли питекантропы использовали орудия, – обреченно прошептал он.

Тем временем питеки, не обнаружив в зоне видимости ничего, что могло бы представлять для них опасность, пересекли опушку и подобрались к самому частоколу. По сравнению с их широкими и мощными телами забор сразу показался совсем хлипким.

Какое-то время питеки размахивали руками, издавая гортанные звуки. Лилия вопросительно посмотрела на Стаса, но тот покачал головой, не отводя глаз от происходящего:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.